

Эйке Шнайдер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАЕМНИК

Эйке Шнайдер
Наемник
Серия «Чистильщики», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67336692

SelfPub; 2022

Аннотация

Очутился раненым в чистом поле с одним мечом? Эрику не впервой. Рану залечит магия, меч добудет деньги: для наемника всегда найдется дело. Вот только от чего нужно охранять молодую жену благородного? И почему на эту работу принимают первого встречного без рекомендаций? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	28
Глава 3	43
Глава 4	57
Глава 5	72
Глава 6	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Эйке Шнайдер

Наемник

Пролог

Эрик плетением отшвырнул от себя стол, закричав во всю глотку, чтобы услышала Ингрид. Начальника стражи впечатало в стену. Ничего, оклемается. Еще одно плетение выбило окно вместе с рамами, зазвенели об пол осколки стекла. Эрик сиганул через подоконник. Увернулся от языка пламени, бросил такой же в ответ – огонь рассыпался, сорвавшееся плетение не прошло безнаказанным, словно шило в висок воткнули.

Дюжина стражников, уверенных, что пришли за убийцей и трое чистильщиков, намеренных мстить за своего командира. Которого Эрик тоже не убивал, но кто ему поверит?

Он метнулся вперед, погрузив клинок в живот ближайшего стражника. Выдернул меч, разворачиваясь, чиркнул по горлу еще одного. Парни ни в чем не виноваты, но при таком соотношении сил выбора не оставалось. Вытянул жизнь из одаренного стражника, оставив посреди улицы ледяную статую. Рванул плетения чистильщиков, раз, другой, третий. Успел.

За спиной снова загремели осколки о мостовую. Деревян-

ная рама второго этажа вылетела и рухнула на голову чистильщика – двое успели отскочить. Ингрид услышала. И тоже не стала зря терять времени.

Чистильщики рванулись к нему, выхватывая клинки, видимо, решили, что Ингрид не стоит их внимания. Зря, очень зря. Эрик заметил, как она плетением размазала о стену единственного из оставшихся в живых одаренного стражника и развернулась навстречу тем, кто кинулся на нее с мечом. А потом смотреть стало некогда – Эрик едва успевал парировать удары. После того, как чистильщики схватились за клинки, плетениями их не достать: в ордене носили мечи из небесного железа. Только таким можно взять тусветную тварь. Но давая такую возможность, небесное железо на время блокировало дар – тот, кто держал его в руке, терял способность плести, и любое направленное на него плетение тоже рассыпалось.

За сотню ударов сердца Эрик лишился куска кожи на плече вместе с рукавом, обзавелся царапиной чуть выше локтя и еще одной – на бедре. Он едва сумел отбить клинок, устремившийся к горлу, но отводя его, открылся, и меч второго чистильщика нацелился в грудь. Все, что он успел – шагнуть чуть в сторону. Даже не почувствовал боли сначала, только стало горячо, и противно заскребла сталь о кость. Обрушив меч поперек ключицы того, кто его проткнул и уже торжествовал победу. Эрик едва не упал следом, когда тот начал заваливаться, так и не выпустив клинка. Отчаянно дернулся

назад – снова противно заскрежетало, и теперь накрыла такая боль, что в глазах потемнело. Нельзя падать, нельзя. И кашлять нельзя.

За спиной второго чистильщика возникла Ингрид и, не особо заботясь о благородстве поединка, рубанула его поперек шеи. Она всегда была очень практичной женщиной. Подхватила Эрика под руку – он едва успел вбросить меч в ножны – поволокла прочь. Он закашлялся, споткнулся, потом все-таки каким-то чудом выпрямился. Ингрид ударила пламенем – широко и неприцельно, однако оставшимся стражникам, которых Эрик уже не мог сосчитать сквозь серую пелену перед глазами – хватило и этого. Бросились врассыпную. Ингрид снова потянула его прочь.

– Бежим!

Делать нечего, пришлось бежать, хотя казалось, что к ногам привесили гири весом в пару стоунов, и отчаянно не хватало воздуха. Но Ингрид по-прежнему волокла его вперед, ругаясь сквозь зубы, и останавливаться было нельзя.

Эрик пришел в себя, сидя прямо на земле чьего-то двора. Впрочем, он и до того сознания не терял, просто перед глазами было темно, и он не мог ничего разглядеть. Дышать тоже получалось плохо. А сейчас, видимо потому что остановились, немного отпустило и он сумел оглядеться. Задний двор, судя по всему, вон отхожее место, а вон сарай и, похоже, курятник. Глухой забор вокруг. Чей – не признать. Хо-

заяв не было видно, а в ворота кто-то колотился.

Он закашлялся – рот наполнился кровью. Сплюнул, прикрыв рот рукавом. Нельзя оставлять кровавых следов, чистильщики по крови найдут где угодно. Его, дважды бежавшего и якобы убийцу, повесят. Ингрид – выпорют. Эрик попытался плетением затянуть рану, но едва собрал нити, как снова рванулся кашель, и все рассыпалось. Ругнулся про себя – вслух бы не хватило дыхания – попробовал снова, и снова не удержал, едва не вскрикнув в голос, когда сорвавшееся плетение отозвалось болью.

Перед Ингрид появилось непроглядно-черное облако. Она отступила на шаг, держа меч левой рукой – правую от плеча до кисти обагряла кровь – и настороженно глядя в черноту. Эрик напрягся, чтобы подняться, но с первого раза не получилось. Пришлось замереть на четвереньках, хватая ртом воздух и пытаясь переждать головокружение. Воздуха по-прежнему не хватало, но и глубоко вдохнуть не получаясь. Все же ему удалось кое-как распрямился. Ингрид снова подхватила его под руку, поволокла в облако.

– Если там... – Эрик закашлялся. – Беги.

Ингрид упрямо мотнула головой, и он мысленно проклял ее упрямство. Если в ином мире, через которой вел переход, живущие там существа сталкивались с плетением, они начинали рваться. Не удержавший переход – как и те, что шли по нему – в лучшем случае навек останется в чужом мире. В худшем... Эрик попытался оглядеться. Сугробы до горизон-

та, темное небо – или у него в глазах темно? Нет, черное, вот звезд не видно, потому что перед глазами все плывет, одна только, ярко-белая, аж слепит. Он зажмурился, потряс головой, отгоняя головокружение – зря, едва не свалился. Ноги начали коченеть. Только бы никто не вылез...

Конечно же, он накаркал. Из сугроба выкатился белый мохнатый шар по пояс человеку и с разгона влетел в барьер. Ингрид охнула.

– Беги, – выдохнул Эрик и попытался вырвать руку. Не так уж далеко до конца прохода, успеет добраться, если не будет тащить его на себе.

Но она только крепче вцепилась в руку и сильнее поволокла вперед. Пришлось перебирать ногами быстрее, даром что воздух, кажется, вовсе перестал попадать в грудь, а сердце колотилось так, будто вот-вот выпрыгнет.

Меховой шар откатился от барьера, замер на несколько мгновений, словно озадаченный, и снова ринулся вперед. Ингрид вскрикнула и рухнула на колени, прижав пальцы к вискам. Эрик едва не повалился рядом, сам не понял, как устоял. Теперь пришла его очередь тащить ее за руку, пытаюсь вздернуть на ноги. Самому не свалиться. Сдохнут ведь оба в этих снегах!

Шаг. Еще один. И еще. И еще, сколько получится. Снова вскрикнула и рухнула на колени Ингрид, и Эрик не устояв, повалился рядом, хорошо хоть помнил, что падать надо вдоль ленты, обозначающей путь. Ингрид поднялась первой,

потянула его за шиворот вперед. Пришлось подниматься – не хватало, чтобы женщина таскала его, точно мешок с дерьмом. Еще немного...

Он выпал из перехода, повиснув на плече Ингрид, в который раз закашлялся, сплюнул кровь прямо на дублет, добавив еще одно пятно к испещрившим ткань. До того, как они с Ингрид шагнули в переход, нельзя было оставлять кровавых следов. Да и сейчас не стоит, мало ли...

Ингрид помогла опуститься на землю. Эрик даже не знал толком, где они оказались, сквозь серую пелену в глазах трудно было что-то разглядеть.

– Сейчас, – сказала она.

– Нет. Сперва себя.

– Не дури.

Эрик поморщился, когда плетения начали сращивать плоть.

– Сперва себя. Хоть кто-то должен остаться боеспособным.

– Я смогу драться левой.

В глазах прояснело и, наконец, получилось нормально вдохнуть. Эрик глянул поверх плеча склонившейся над ним женщины.

– Плети проход и уходи, быстро!

Ингрид стремительно развернулась, подхватив меч. Левой.

– Не удержу. Два подряд.

Значит, остается кое-как выпрямиться и встретить смерть с мечом в руках. На виселицу он не пойдет.

– Не лезь. Когда меня убьют, сдавайся. Живи, пожалуйста. Сколько получится.

Она улыбнулась и покачала головой. Эрик застонал. Когда он обманывает, в конце концов? Когда Ингрид от кого-то бегала? Он легко сжал ее руку, она погладила пальцами его ладонь.

– Я ни о чем не жалею, – сказала Ингрид.

Эрик кивнул.

– Я тоже.

На самом деле он жалел об одном – что не может заставить ее уйти. Хотя куда тут уйдешь – чистое поле кругом. Только у самого горизонта виднеются крыши домов. Деревня, похоже. Но успеют догнать.

Он дождался, пока на краю черного облака проявится первая фигура, и шарахнул авторским плетением, благо сил оно тянуло немного. Но нити разорвались прежде, чем удалось сплести до конца, как раз в уязвимой точке. Впрочем, чего он ожидал, сам же отдал его ордену. Конечно, за пять лет узнали все.

Ингрид не мудрствуя ударила пламенем, но и оно тут же рассыпалось.

– А я говорил, что нас хлебом-солью не встретят, – раздался знакомый голос.

Эрик вытаращился на выходящего из облака Альмода.

Они же тогда сбежали вместе, но командир потом ушел, и Эрик обрадовался этому. Не было у них причин друг друга любить.

– Какого рожна ты в ордене?

Удивительно, что, найдя Альмода, чистильщики не повесили его, дважды дезертира. Но вот он, живехонек, с переливающейся всеми цветами фибулой на плаще. А с ним – Фроди и Кнуд, и незнакомая девчонка. Лицо против воли расплылось в улыбке. Живы. Оба до сих пор живы, надо же!

В следующий миг до него дошло, что друзья-то живы, но если они явились по его душу, ему конец. Пять лет назад он не мог справиться с Альмодом, даже будучи здоровым и полным сил. Да и остальные были хороши. Разве что про девчонку со шрамом сказать нечего, но Альмод средних не берет. Эрик многому научился с тех пор, но сейчас слишком ослаб. Он крепче сжал меч, изготовившись плести, Ингрид тоже не торопилась опускать клинок.

– Это долгая история, – сказал Альмод. – Будем говорить или драться?

Его глаза оставались холодными, цепкими. Эрик снова почувствовал себя юнцом, которого за шкуру волокут в орден.

– Зависит от того, зачем вы пришли. Возвращаться не уговаривайте.

– Меня тоже, – ввернула Ингрид.

– Не за этим. Я, конечно, должен буду доложить... но помню, что кое-чем тебе обязан. Если не вы ночью убили коман-

диря, уйдешь невозбранно.

– Не я. И не Ингрид. Но ты согласишься нам на слово?

– Смотря что именно вы расскажете. Пять лет назад ты был вздорным капризным юнцом, но не трусом и не лгуном.

– Всегда знал, что ты меня высоко ценишь, – буркнул Эрик. – Вы пришли по моей крови или по крови Ингрид?

– Это имеет значение?

– Если по ее – сожгите. И дайте ей уйти. Потом будем разговаривать.

– Ты всерьез веришь, что Ингрид уйдет? – ухмыльнулся Альмод.

Эрик посмотрел ей в глаза. Она молча покачала головой. Он вздохнул.

– И все-таки сожгите образец.

– И его, – вмешалась Ингрид.

– Кажется, вы не в том положении, чтобы торговаться.

– Я не торгуюсь, – пожал плечами Эрик. – Просто не хочу, чтобы когда-нибудь за ней пришли. Если вам в самом деле нужны не мы, а убийца вашего человека, то и образец вам ни к чему. А если все же намереваетесь вернуть нас в орден, то я лучше умру свободным.

– Раньше ты был помягче, – подал голос Фроди.

– Да нет, такой же упертый, – хмыкнул Альмод.

Вытащил из кошелья побуревшую щепку, подкинул на ладони. Полыхнуло.

– Ты же понимаешь, что это просто жест, и ничего не по-

мешает нам вас повязать, когда разговор закончится?

– Понимаю, – Эрик тоже сунулся в кошель, вытащил изрядно поцарапанный образец. Бросил Альмоду. – Не пригдилось.

Тот усмехнулся, поймав бусину. Кажется, хотел что-то сказать, но удержался.

Эрик тяжело опустился на землю, ноги подкашивались.

– С вашего позволения. Разговор будет долгим.

Глава 1

Эрик долго смотрел туда, где истаяло облако перехода. Что ж, чистильщики больше не будут охотиться за ним, обвиняя в смерти своего. Только это и имело значение. Мир большой, как-нибудь вместе с Ингрид устроятся. Не впервые им оказываться невесть где, совершенно не зная, что делать дальше. В прошлый раз не пропали, и в этот не пропадут. Тем более Эрик успел с тех пор многое повидать.

Он огляделся. Они сидели на краю стерни, уже не золотой, а выцветше-серой. Рядом тянулась дорога, точнее, непролазная грязь, которая была бы дорогой, кабы не осенняя распутица. Голые поля до самого горизонта, рыжая лента дороги от края до края земли, и лишь на одном конце ее едва виднелись крыши деревенских домов, крытые тесом, такие же серые, как поля. И только небо синее, яркое, почти летнее. Да и тепло, как летом.

– А где мы? – спросил он.

– Окрестности Берестья, – сказала Ингрид.

Юг приграничья. Удачно. Было бы куда хуже, попади они на самый север, где людей днем с огнем не сыщешь и ночь по полгода. Здешние места тоже не слишком заселенные, но хотя бы относительно теплые.

И довольно беспокойные – за них его величество воевал с соседом, королем Темнолесья, вот уже лет двести, и никто не

хотел уступать. Эрик не понимал, зачем платить столькими жизнями за, казалось бы, обычный клочок земли. Впрочем, он никогда особо не интересовался делами сильных мира сего. Как был деревенским пацаном, так им и остался.

Но почему именно сюда? Эрик вопросительно посмотрел на Ингрид.

– Пришлось очень быстро соображать, – извиняющимся тоном сказала она. – Быстро вспомнилось только это место. Сюда я прокладывала первый в жизни переход. А потом еще прорыв был очень долгим, думали, уже все, не удержим. Такое не забывается.

Эрик кивнул. Да, соображать пришлось быстро. Чудом ушли. Так что нечего кочевряжиться. Оба живы, и ладно.

– Не самое плохое место, – улыбнулся он. – Отоспимся, приведем себя в порядок и подумаем, что делать дальше.

Приграничье так приграничье. Вот уж где точно найдется дело для двух неплохих бойцов. Или одного бойца и одного целителя— Эрик сам толком не знал, какая из собственных ипостасей нравится ему больше. Когда-то он всерьез собирался остаться на кафедре университета, разрабатывать авторские плетения, писать научные труды и муштровать школяров. Все сложилась иначе, что, наверное, и к лучшему. Сейчас Эрик думал, что через годик-другой взвыл бы от такой жизни. Хотя если не с чем было бы сравнивать...

Он отогнал ненужные размышления. Какой смысл гадать, что было бы, если? Время вспять не поворотить, жить при-

ходится сейчас.

Ингрид начала стаскивать с пальцев кольца.

– Уже надоели? – усмехнулся Эрик.

Ответ он знал – Ингрид терпеть не могла украшений. Даже перстень – знак полноправного одаренного, закончившего учебу – не носила, не говоря уж о серьгах, браслетах и прочих красивых, но таких неудобных безделушках. Она и сейчас надела драгоценности лишь потому, что знала – по их душу скоро придут и придется бежать в том, что на себе. Они ушли бы из города раньше, если бы в лечебницу Эрика не привели роженицу. Прогнать ее у Эрика не хватило духа. Так и провозился, пока не стало поздно бежать.

Ингрид не ответила – она не любила пустой болтовни. Вытряхнула из мешка кисет мягкой замши, принялась складывать в него украшения – кольца, цепочки, браслеты – купчихи в церковь и то надевают меньше. Эрик тоже стянул с себя лишние побрякушки, мужчине они и вовсе не пристали. Оставил только перстень одаренного да дымчато-алую стеклянную бусину на кожаном шнуре, обхватывавшем левое запястье. Ингрид носила такую же – по ним они могли найти друг друга, как бы их ни разбросала судьба. До сих пор не приходилось, но жизнь наемника переменчива. Может, и понадобится.

Эрик медленно поднялся, помедлил, прислушиваясь к себе. Уже не качало, и голова не кружилась. Вот и хорошо. Ингрид встала рядом, посмотрела туда, где виднелись крыши

домов, перевела взгляд на Эрика.

– Тебя там не узнают? – спросил он.

Наверное, даже если в ней и признают чистильщицу, особой опасности в этом не будет. Никто не побежит доносить в столицу – далеко, да и незачем. Но все равно не хотелось бы, чтобы Ингрид вспомнили. А такую, как она, забыть трудно – высоченная, почти с самого Эрика, с ярко-рыжими кудрями, и отлично владеющая мечом. Впрочем, те, кому довелось испытать это умение на себе не на тренировочной площадке, уже ничего и никому не расскажут. Сам Эрик из толпы выделялся разве что ростом, но мало ли кругом высоких русских парней?

– Мы не останавливались в деревне, – сказала она. – Сразу ушли на станцию... четыре дня пути, – Она указала поперек дороги. А там, – Ингрид махнула рукой в противоположном от деревни направлении, – замок. Лиг двадцать пять, если напрямик и если я ничего не путаю. Много времени прошло.

Эрик кивнул. Снова посмотрел в сторону деревни.

– Пойдем. Кто-нибудь да пустит переночевать. И поесть бы неплохо.

Кавалькаду они заметили издалека. Всадники тоже не намеревались пробираться по грязи, что лошади по колено, и шли по стерне. Когда отряд приблизился – Эрик насчитал дюжину всадников – стало видно, что за лошадьми идут и пешие, а следом тащится обоз в три телеги

Они с Ингрид отступили в сторону, давая дорогу, но то ли недостаточно быстро, то ли недостаточно почтительно – кланяться никто не собирался. Всадник, опередившей остальных ярдов на десять, замахнулся плетью, проезжая мимо. Эрик ударил его плетением, сбрасывая с коня. Человек сгруппировался в полете, вскочил на ноги, потянулся к мечу. Остальные осадили лошадей, развернули к двоим пешим. Уставились с любопытством.

Эрик представил, как они с Ингрид смотрятся. Ну да, плащи, хоть и доброй шерсти, но немаркие коричневые – такие цвета носит простонародье. Прорехи и кровь на одежде. Никаких украшений, кроме перстня, который еще поди угляди из седла. Хотя надо быть слепым, чтобы не рассмотреть в Ингрид женщину, а простолюдинки штанов не носят. Но, опять же, чтобы это вспомнить, надо подумать чуть-чуть прежде, чем размахивать плетью, отгоняя с пути недостаточно почтительных незнакомцев. Стоит, пожалуй, сразу дать понять, с кем имеют дело.

Он зажег на ладони огонек, пристально посмотрел на того, кто потянулся к мечу.

– Не советую.

Мужчина замер в нелепой позе, остановив движение. Видно было, что он очень хочет оглянуться на тех, что выстроились за ним – и опасался отвести глаза от огонька на руке. Как будто его взгляд мог остановить Эрика, если тому вздумается атаковать.

– Прошу прощения, господин.

Один из троих всадников коротко поклонился с седла. Мужчина средних лет, в бороде и русых волосах поблескивали серебряные нити, гармонируя с серебряным шитьем черного дублета. Правильные черты лица почти не портил старый шрам, прошедший наискось со лба через переносицу до скулы. Эрик отметил про себя, что лечили его неплохо – рубец выглядел чистым и тонким, значит, зажил, не гноясь. Но затягивали не плетениями, тогда бы и следа не осталось.

– ... и вы, госпожа. – Еще один поклон в сторону Ингрид. – Могу я как-то компенсировать это недоразумение?

– Не стоит беспокойства. – Эрик поклонился в ответ так же небрежно. – Никто не пострадал.

На самом деле ему вовсе не улыбалось сцепиться со всем отрядом благородного. Плетения плетениями, но при таком соотношении сил, да еще когда конные против пеших, за исход стычки он бы не поручился.

– Благодарю господ одаренных, болван, что жив остался, – сказал человек со шрамом.

«Господ», не «господина». Необычно для благородного. Благородные держали женщин за что-то среднее между экзотической зверушкой и источником, производящим наследников. Можно баловать, можно посвящать стихи и восхищаться красотой – пока та не истаёт в бесконечных беременностях и родах, но полагать, будто женщина что-то может решить сама? Тем более когда речь идет о возможной схватке?

Да никогда. Где этот успел не только узнать, но и перенять часть привычек одаренных — по крайней мере, когда речь идет о них самих?

Сброшенный с коня поклонился, бурча извинения впере­мешку с благодарностями, в искренность которых Эрик не поверил. Снова взобрался в седло.

— Болван, — повторил всадник в черном с серебром. Обер­нулся к тому, что ехал слева. — Фолки, зачем вы держите та­ких дурней?

— А мне умные не надобны, надобны верные, — ответил тот. Он казался моложе первого, круглое лицо с белесыми бровями выглядело открытым и доброжелательным. Если не заглядывать в глаза — светло-голубые, выцветшие, они не вы­ражали ровным счетом ничего, как у снулой рыбы. Одет он был богаче первого — в зеленое с золотым шитьем, на шее ви­села толстая цепь с изумрудами. Эрик невольно задумался, не ноет ли у белобрысого затылок по вечерам: потаскай-ка весь день на загровке этакую тяжесть...

Первый усмехнулся, но ничего не сказал. Обернулся, вы­искивая кого-то взглядом. Из-за столпившихся позади всад­ников выбрался один — одна, поправил себя Эрик. На вид раза в два моложе первого, волосы убраны под покрывало замужней, на шее свадебная гривна. Серые глаза, мягкая по­луулыбка. Платье черное с серебром, как и у него. В дам­ском седле девушка держалась уверенно — насколько вообще можно уверенно держаться сидя боком, точно на насесте. Но

личико показалось Эрику осунувшимся, под глазами залегли тени – должно быть, не первый день в пути. Интересно, что проще: трястись в седле или в повозке по грязи и ухабам?

– Ничего не случилось, дорогая, – голос благородного заметно потеплел. – Небольшое недоразумение.

Он махнул рукой остальным:

– Вперед, мы вас нагоним.

Спешился, бросив поводья оруженосцу, шагнул к Ингрид, жестом призывая ее и Эрика отодвинуться, чтобы не мешать остальным. Так же поступили те, что ехали рядом с ним – белобрысый и еще один, седой уже мужчина с такими же серыми цепкими глазами, что и у первого. В седле он держался непринужденно, словно юноша, да и, спешившись, двигался легко – со спины Эрик, пожалуй, не дал бы ему его лет. Но седина и морщины говорили за себя сами.

Женщина, чуть помедлив, двинулась вместе с остальными дальше.

– Еще раз прошу прощения, господа, – сказал первый. – Я Хаук. И я хотел бы спросить, как вышло, что двое одаренных оказались на дороге в столь, еще раз прошу меня простить, жалком виде?

Он перевел взгляд с окровавленной дыры на рукаве дублета Ингрид на такую же на боку Эрика.

– Меня зовут Эрик. А это Ингрид. Что до того, почему мы в таком виде... – Он пожал плечами. – Те типы не представились. Может, разбойники. Точно так же, как ваш человек,

не разглядели дар и сочли нас легкой добычей. Там. В паре лиг отсюда. – Он махнул в сторону, куда двигалась кавалькада. Жаль, не удосужился расспросить Ингрид, как далеко ближайший лес, где могли бы водиться разбойники, в чистом поле посреди бела дня путников особо не подкараулить. – На двоих их оказалось многовато, так что одежда немного пострадала. Увы, в деревнях нет приличных портных...

Хаук бесцеремонно протянул руку, коснувшись перчаткой прорехи на рукаве Эрика. Растер между пальцами сгусток крови. Слишком свежий для пролитой больше часа назад. Пристально посмотрел в глаза.

– То есть в паре лиг мы найдем тела?

Эрик мысленно выругался. Вот что бывает, когда не удосужишься заблаговременно продумать ложь. Они не рассчитывали встретить благородных, а деревенские бы вопросов не задавали. Охота одаренным шастать в дырявой одежде, залитой кровью – их дело, а за неуместный вопрос могут и деревню спалить. Просто так, озлившись.

– Тел не осталось. – Он снова зажег и тут же погасил огонек на ладони. – Развеялись по ветру.

Хаук кивнул.

– Что ж. Это не мои земли, поэтому прошу прощения за неуместное любопытство. И позвольте спросить еще об одном: вы путешествуете с некоей целью или просто идете, куда глаза глядят?

Эрик встретился взглядом с Ингрид. Та едва заметно кив-

нула.

– Я тоже хотел бы спросить, – медленно произнес он, – есть ли какая-то цель у ваших вопросов, кроме обычного любопытства? Тем более что вы, как сами признали, не господин этих земель, который вправе требовать ответа у любого?

– Что ж, справедливо, – Хаук помедлил, оценивающе оглядев Ингрид с ног до головы: не как мужчина – красивую женщину, а как один боец другого. – Извольте. Моей жене нужна охрана.

Эрик приподнял бровь. Он ожидал чего угодно, только не этого. Охранников не нанимают прямо на дороге посреди чиста поля. Особенно, когда речь идет о жене.

Белобрысый – Фолки – закатил глаза и покачал головой. Седой сдерживаться не стал.

– Ты в самом деле веришь в эту чушь?

– Не здесь и не сейчас, – отрезал Хаук.

– Я настаиваю.

Хаук поморщился. Снова повернулся к Ингрид.

– Итак, моей жене нужна охрана.

– У нас достаточно людей, – снова встрял седой. Хаук снова поморщился и опять не стал спорить.

– Человек, которого я мог бы оставить в ее спальне, когда там не будет меня. Кто-то, кто последует за ней в комнату для омовений или не постыдится караулить рядом с отхожим местом.

Ингрид кивнула.

– Понимаю. Но вы меня вовсе не знаете.

– Именно поэтому.

– Вы не доверяете собственным людям?

Хаук помедлил, глядя ей в глаза.

– Скажем так... свою жизнь я доверяю им безоговорочно.

Но не жизнь Аделы.

Эрик невольно задумался, что же могло сподвигнуть небедного на вид благородного пытаться нанять первых встречных? И почему седой неодобрительно поджигает губы, а Фолки в который раз возводит глаза горе?

– Ты серьезно? – не выдержал белобрысый.

– Более чем, – ответил Хаук, продолжая смотреть на Ингрид. – Скажем, пятнадцать золотых в месяц?

Оба его спутника вытаращили глаза.

– Это уже совсем... – начал было седой, но Хаук зыркнул в его сторону.

– Дядя, при всем уважении... помолчи. Это моя жена и мои деньги.

Эрик снова переглянулся с Ингрид. Столько платили рыцарю с отрядом – двумя-тремя конными, полудюжиной мечей и тройкой лучников. Содержание которых, разумеется, было за счет самого рыцаря. Одаренный-телохранитель запрашивал на четверть меньше. Теперь пришла очередь Эрика кивать. В конце концов, не в первый раз Ингрид нанималась без него. Он не пропадет. Где-нибудь в окрестных замках наверняка нужен одаренный боец. Или целитель. А там

видно будет.

– Я не одна, – сказала Ингрид.

Эрик не стал вмешиваться. Удастся наняться вдвоем – так тем лучше.

Хаук пожал плечами. Посмотрел на Эрика.

– Боевик?

Эрик кивнул.

– И немного целитель.

– Двенадцать золотых?

– Хаук! – рыкнул седой. Заступил между ним и Эриком.

– Прошу прощения, господа. Нам надо кое-что обсудить.

Хаук покачал головой. Обвел взглядом Эрика и Ингрид.

– Я не перемену мнение. Но, полагаю, вам тоже нужны несколько минут на размышления. С вашего позволения, господа.

Седой отвел его в сторону.

– Ты совсем ума лишился, женившись? – зашептал он. – Или отцовские деньги кошель жгут?

Эрик мысленно хмыкнул. Читать по губам он научился давно, и тогда же растерял всякие угрызения совести по поводу не предназначенного для его ушей. Подслушивая, можно узнать немало интересного.

– Гарди, я очень ценю твое мнение. – А вот Хаук понижать голос не стал. – Но это теперь мои деньги.

– Медовый месяц закончился, девчонка заскучала, только и всего. Почаще бывай в ее спальне, и все «покушения»

прекратятся.

– Уд животворящий? Дядя, ты всерьез считаешь меня самовлюбленным болваном, способным поверить, что этого достаточно?

– Не уверен насчет «самовлюбленного». Но как назвать человека, готового нанять за хорошие деньги двух проходимцев, даже не спросив рекомендации?

Рекомендации, к слову, у Эрика были, а у Ингрид еще больше. Лежали себе в мешке, ожидая своего часа.

– Я верю Аделе. Она могла бы привлечь мое внимание куда более простым способом. Это первое. Два, как ты выразился, проходимца, встреченные посреди дороги явно не могут иметь никакого отношения к людям Сигурда. Это второе.

– С чего ты это взял?

– А как бы он мог передать им указания? С ветром? Или с молнией? – Хаук помолчал. – И, наконец, в замке нет ни одного одаренного. Если вдруг случится осада, с двумя одаренными лучше, чем вообще без них.

– Да с чего бы?

– А что, его величество подарил мне те земли, потому что ему некуда было их девать? Гарди, я, может, и болван, и мало смыслю в том, как тратить деньги и управлять замком. Это твои заботы. Но я полжизни провел в приграничье. Если лорды Темнолесья решат двинуться, замок окажется первым на пути врага. Это третье. А четвертое, и главное – я

так решил. И если ты думаешь, что я буду терпеть, когда мне прилюдно перечат только потому, что ты мой дядя, или потому, что ты мне очень важен как кастелян – подумай еще раз. Тебе я верю больше, чем кому-либо еще, но поучений не потерплю.

– Добрых советов.

– Называй как хочешь. Когда они будут мне нужны, я их попрошу. Я собираюсь нанять этих людей, а ты придержишь все, что хотел сказать, при себе и будешь с ними вежлив. И хватит об этом.

Он снова повернулся к Эрику.

– Так что вы решили, господа?

– По рукам, – сказал Эрик.

Глава 2

Пока шла беседа, обоз успел миновать спешившихся. Хаук посмотрел вслед своим людям, перевел взгляд на оруженосца.

– Бруни, отдай свою лошадь Ингрид и догоняй обоз.

Оруженосец, парень лет восемнадцати, темноволосый и сероглазый, ничем не выказал недовольства. Поклонился, потрепал кобылу по холке, прежде чем передать поводья Ингрид. И лишь после этого негромко спросил:

– Господин, я должен ехать в обозе?

– Нет конечно. Иди с мечами. В замке найду тебе другого коня, как ты просил. Там и одаренным подберем что-нибудь более подходящее.

Эрик не заметил в серой кобыле никаких изъянов, но мало ли, что там Хаук считает «более подходящим». Он припомнил, что среди благородных считалось редкостным позором ездить в разного рода повозках. Тот, кто причисляет себя к воинам, передвигается верхом, в крайнем случае – на своих двоих. Телеги – удел простонародья, экипажи – для женщин.

Лицо парня просветлело, и он вприпрыжку умчался вслед ушедшим.

– Гарди, сделай одолжение... – попросил Хаук.

Тот кивнул, бросил оруженосцу:

– Стик!

– Да, господин.

Этот на вид был еще младше, Эрик дал бы ему не больше пятнадцати, такой же русоволосый, как его господин. То же не стал спорить, хотя лицом владел куда хуже первого и, когда кланялся, было заметно, что приказ ему не нравится. Эрик бы с удовольствием с ним поменялся – сам он ездить верхом не любил, предпочитая сколько угодно долгие пешие переходы. Но не спорить же с нанимателем в первые же минуты? Оруженосец тоже не сказал ни слова, отдал поводья Эрику и умчался за старшим товарищем.

– Еще кое-что, – сказал Хаук

Он сунулся в седельную сумку, достал оттуда замшевый кисет. Вытащил затейливого плетения цепочку, в которой золотые участки перемежались с, как показалось Эрику, серебряными. Странная причуда ювелира, и еще более странно, что на такую нашелся покупатель. Соединять эти два металла считалось еще более дурным вкусом, чем оправлять алмазы в золото, ведь оно придавало прозрачным камням желтоватый отблеск, портя игру. Конечно, Хаук выглядел скорее бывалым воином, чем придворным с изысканным вкусом, но все равно странно. Кто-нибудь да должен был подсказать.

Следом за этой цепочкой появилась еще одна, из черного серебра, на которой висел медальон размером с монету. Тоже... нет, не серебряный. Теперь, когда два металла были рядом, разница стала очевидной. Железо.

Железо ли? И был ли металл в первом украшении серебром?

Эрик – в который раз – переглянулся с Ингрид. Та едва заметно приподняла бровь. Да Эрику и самому стало любопытно. Очень любопытно. О небесном железе не все одаренные-то знали. Точнее, о том, что из него делают не только кандалы для тех, кто доигрался до тюрьмы или каторги. А уж пустым о нем точно никто не рассказывал.

Некоторые знали, конечно. Были охотники на одаренных, защищавшиеся таким образом от плетений. Были ювелиры, которые с ним работали – именно ювелиры, не кузнецы, небесное железо было очень редким и очень, очень дорогим. Эрик невольно задумался, часто ли чистильщики ковали новые мечи – или просто передавали меч от погибшего к новичку? Но откуда обо всем этом знает такой, как Хаук? Бывший охотник? Вот будет странно, если, расставшись с другом – бывшим охотником на одаренных – Эрик окажется телохранителем у другого бывшего охотника. Впрочем, каких только совпадений не бывает...

Воспоминания о друге кольнули виной. Эрик отогнал их. Как бы он ни был виноват, теперь ничего не исправить. Осталось только надеяться, что когда-нибудь они встретятся и удастся хоть как-то загладить содеянное.

Хаук передал медальон дяде.

– Надень. В ворот, так, чтобы касался кожи. И не снимай. Да, он действительно знает, что такое небесное железо, и

зачем оно нужно. Но откуда? Как бы расспросить нового на-
нимателя половчее?

– Объясни, – хмуро потребовал Гарди.

– Потом. – Хаук бросил быстрый взгляд на Ингрид и Эри-
ка, стоявших рядом. – Просто сделай.

Гарди пожал плечами, всем видом показывая, дескать,
чем бы дитя ни тешилось... Надел медальон, сунув под ру-
баху. Хаук протянул ему цепочку, сплетенную из золота и
железа.

– Отдай Аделе и скажи, чтобы сделала то же самое. Пред-
ставь ей Ингрид...

– Вы позволите? – перебила Ингрид, протягивая руку.

Хаук, явно изумленный, передал украшение ей.

Ингрид провела пальцами по золотому участку, коснув-
шись «серебряного», заметно вздрогнула. Эрик усмехнулся
про себя. Она пять лет проходила с чистильщиками и дер-
жать в руках – не просто держать, а сражаться – небесное же-
лезо ей приходилось не раз. Или играть в кости, надев брас-
лет из небесного железа – чистильщики, в отличие от осталь-
ных одаренных, любили эту забаву, испытание удачи. Обыч-
но одаренные забрасывали кости еще в университете, мало
интереса, когда игра превращается в схватку на плетениях.
Как бы неприятно ни было лишиться на время дара, чистиль-
щики привыкали к этому. Привык в свое время и Эрик, хоть
и пробыл с ними совсем недолго. Привыкла и Ингрид.

– Можете отдавать, она действительно защитит, – сказала

она, возвращая вещь Хауку.

– Думали, я вас испытываю? – поинтересовался тот.

– Думала, что вас могли обмануть. Не все ювелиры честны с теми, кто не может проверить сам. И если эту вещь будет носить та, кого я должна охранять, мне нужно знать, действительно ли амулет подействует так, как от него ожидается.

– Благодарю.

Хаук кивнул, перевел взгляд на дядю.

– Гарди?

Тот вытащил из-за ворота медальон, протянул Ингрид, не снимая. Она коснулась его, снова вздрогнув.

– Все в порядке.

Хаук снова кивнул.

– Эрик, а вы можете проверить такие вещи?

– Конечно, – пожал он плечами. – Любой одаренный может.

– Хорошо. Тогда... Гарди, отдай Аделе. – Хаук снова протянул дяде украшение. – Скажи, чтобы носила под рубашкой, на коже. Представь ей Ингрид, как я уже просил. Передай, что я догоню вас позже, скорее всего, уже на привале. Остановишь людей отдохнуть, как и договаривались. Ингрид, вы не отходите от моей жены ни на шаг, пока я вас не сменю. Даже если ей понадобится... – он замаялся.

– Поняла. Мне опасаться чего-то определенного? – спросила Ингрид. – Или...

– Знал бы я, чего именно опасаться, вы бы мне не понадобились, – фыркнул Хаук. – Спросите у нее сами, в чем дело. Может, что-то поймете. Я пока не понял. Вперед.

Эрик придержал Ингрид стремя, Гарди вскочил в седло сам. Они умчались, догоняя всадников в голове процессии.

Хаук достал еще один медальон, передал Эрику. Тот взял его в руки, скривился, всем видом показывая, как ему сложно даже касаться этакой гадости. Ощущения на самом деле были не из приятных – словно оглох и ослеп одновременно, перевитый разноцветными нитями мир стал серым и плоским. Когда Эрик в первый раз взял в руки небесное железо, выронил его, будто обжегшись. Привыкнув, начал воспринимать как неудобство, не более. Но об этом вовсе необязательно знать всем. Незачем давать повод для неудобных вопросов.

– Фолки, ты тоже надень, – сказал Хаук, передавая украшение.

– Тоже потом объяснишь? – сощурился тот.

– Могу и сейчас объяснить, раз одаренные догадались, в чем дело. Амулет, защищает от плетений. Любых.

– Я думал, это байки.

– Не байки. Особо не радуйся: неуязвимым тебя это не сделает. Скажем, уронить тебе на голову булыжник амулет не помешает. Но под... – он осекся, – поджечь, к примеру, не получится. Или сделать что-то еще, что будет направлено именно на тебя. А теперь поклянись, что никому об этом не

расскажешь.

Фолки нахмурился.

– Поклянись, что никому не расскажешь об амулете и его действии, – повторил Хаук.

– С Гарди ты не требовал клятв.

– Потребую, когда мы окажемся наедине. Ну же!

– Клянусь, что никому не расскажу ни о том, что ты дал мне амулет, ни о его предполагаемом действии, – сказал, наконец, Фолки. – Но зачем нанимать тех, от кого ждешь подвоха?

Эрику бы тоже очень хотелось это знать. Но пока стоило придержать язык.

– Не жду. – сказал Хаук. – Но разумная предосторожность не помешает. Теперь возвращайся к остальным. А мы с Эриком немного побеседуем.

Уехал и Фолки. Хаук вскочил в седло. Эрик, мысленно ругаясь, взобрался на своего коня. Деревенщиной был, деревенщиной и остался, так и не привык ездить верхом.

– С чего бы начать... – проговорил Хаук, трогая коня шенкелями.

– С небесного железа, – хмыкнул Эрик, пристраивая своего рядом.

– Это проще всего. Я в приграничье с семнадцати. Думал, сделаю себе имя и поднакоплю денег, подамся в гвардию, куплю офицерскую должность. А там, глядишь, и с титулом повезет, раз уж три старших брата, и на отцовский нечего

рассчитывать.

Эрик кивнул. Кроме трех дюжин одаренных, королевский дворец охраняли и пустые. Офицерская должность позволяла примелькаться при дворе, но стоила она немало, да и потом требовала солидных расходов. А наемникам в приграничье хорошо платили. За несколько лет можно было сделать небольшое состояние – если, конечно, переживешь эти несколько лет.

– ...Но обзавелся вот этим, – Хаук коснулся переносицы, – и про гвардию пришлось забыть. Оскорбляет, вишь, взоры придворных.

Он помолчал и задумчиво добавил:

– Может, оно и к лучшему. С моим норовом все равно бы не выслужился, а врагов бы нажил куда больше, чем имею сейчас....

Хаук снова надолго замолчал, потом встряхнулся.

– Словом, через пять лет попал я к «ястребам», слышал о таких?

Эрик покачал головой.

– Услышишь, – хмыкнул Хаук. – Большой отряд, все на двойном жаловании.

Эрик одобрительно присвистнул. Двойное жалование просто так не платят.

– Люди смертны, «ястребы» вечны, так мы... они говорят, – продолжал Хаук. – Дюжина одаренных, три дюжины мечников – они же арбалетчики, если придется. И все умеют

сражаться с седла. Большею частью младшие сыновья, как и я. Хотя берут не каждого, вовсе не каждого. Ну, а одаренные... Была там одна. Вивека ее звали. Очень откровенна с... друзьями.

Хаук оттянул ворот, показывая цепочку, похожую на ту, что он велел отдать жене. То же чередование золота и небесного железа, только поношенная, не так блестит, а железо и вовсе кое-где отдает в рыжину.

– Подарила мне, чтобы, как же она сказала... чтобы я был уверен, что все мои поступки – действительно мои.

Эрик снова кивнул. Похоже, та женщина была его новому нанимателю куда больше, чем подруга.

– Тогда я не знал, сколько это стоит, иначе не принял бы такого подарка от женщины. Она мне поведала и про то, что вы умеете подчинять разум, и про небесное железо... взяв клятву никому не рассказывать. Клятву эту я сдержал, несмотря на то, что через несколько месяцев Вивека просто ушла из отряда. Заявила, что ей надоела кровь и хочется покоя. Это ей-то! Да она через неделю покоя начинала от скуки нарываться на поединки! – В его голосе неожиданно прозвучала старая обида.

Эрик подумал, что объяснение, скорее всего, было довольно простым. Одаренные девушки довольно легко относились к связям с мужчинами, равными себе, потому что два одаренных не могли зачать ребенка, и, значит, подобные связи ей ничем не грозили. А вот связь с пустым была чревата

проблемами – и не только потому, что такие мужчины могли ослабить ее шлюхой. Ненужная беременность оказывалась проблемой куда более серьезной – неудачно вытравив плод, можно было и погибнуть, да и от родов одаренные умирали немногим реже, чем пустые, особенно если не удавалось за годя найти целителя.

Видимо, чем-то дорог стал Хаук той женщине, раз она решилась быть с ним. Но на войне нечего делать брюхатой. А что не сказала – многие ли мужчины радостно примут весть о беременности случайной любовницы?

А, может, все было еще проще – решила, что пора бы уже и стать матерью, с открытыми глазами выбрала своему ребенку отца и уехала, как только поняла, что получила желаемое. Потому и ему не сказала. И Эрику не стоило говорить о своих догадках. Сколько лет прошло? Лет двадцать, наверное. Что толку ворошить все это теперь?

– Эта история не для моей жены, – сказал Хаук.

– Само собой, – кивнул Эрик. – Это вообще не мое дело.

– Именно. Я просто рассказываю, откуда знаю про небесное железо. И что оно может уберечь он, ммм... не слишком щепетильных одаренных. Поэтому когда я понял, что моей жене может понадобиться телохранитель-одаренный... одаренная, охранниц-женщин без дара очень мало – запаса небесным железом, благо не успели уехать из города. Правда, думал, что буду искать ей охранницу, уже когда доберемся до замка. Поспрашиваю старых знакомых, кто жив остал-

ся. Может, и порекомендуют какую, кому надоели бои, а без заработка сидеть тоже не хочется.

– Признаться, это меня удивило, – сказал Эрик. – Вы даже не спросили рекомендаций. Хотя они у Ингрид есть, как и у меня.

– Можешь говорить мне «ты». – Хаук усмехнулся. – Что до рекомендаций... – Он указал на бок Эрика. – Вот ваши рекомендации. Такая рана смертельна. Не мгновенно, но в течение дня-другого уйдешь к праотцам. И, разумеется, сляжешь задолго до того, начав задыхаться оттого, что легкие заливают кровь. Но ты жив, дышишь, уверенно держишься на ногах. И не просто жив и дышишь, а в силах плести и готов был драться, если бы я не остановил этого болвана Петтера. Возможно, твоя... подруга сможет сделать что-то подобное для Аделы, если понадобится, хотя я молю Творца, чтобы все обошлось.

– Ингрид моя женщина. Но она не всесильна, хоть и неплохо справляется с исцеляющими плетениями. А что такое с твоей женой?

– Сперва она упала с лестницы. Она, легкая как птичка и ловкая, как ласка! Адела говорит, что зацепилась за суровую нитку или что-то такое... Не веревку, но что-то, что заставило ее потерять равновесие. Творец миловал, отделалась синяками... хорошо, не успела понести за те два месяца, что мы вместе. – Хаук вздохнул. – Может быть, Гарди прав, и молодой красивой женщине просто стало со мной скучно.

Когда народ сбежался, не нашли, обо что она могла бы споткнуться, но синяки были настоящие.

Он помолчал.

– А потом вьюшка печи в ее спальне вдруг оказалась задвинутой раньше времени. Если бы я не засиделся над бумагами и не решил... навестить ее намного позже обычного, она бы не проснулась. А если бы пришел в обычное время, не проснулись бы мы оба. Да и так заметил неладное только потому, что ее канарейка лежала мертвая на дне клетки. А то бы... – Хаук сотворил охраняющий знак. – Творец уберет чудом.

Эрик поразмыслил.

– Ты упоминал имя... Сигурд.

– Он претендовал на тот замок, куда мы едем. Тот, что его величество решил пожаловать мне. – Хаук покачал головой. – Но он бы ударил по мне, а не по Аделе.

– Он мог решить, что замок уже получил нового владельца, и ему не достанется. И попытаться отомстить. Просто чтобы никто больше не вздумал перейти ему дорогу.

– Но и тогда ударил бы по мне.

– Ты боишься смерти? – поднял бровь Эрик. – После того, как провел в сражениях полжизни?

– Твоя правда, – усмехнулся Хаук. – К тому же, если бы он попытался убить меня и достиг цели, я бы не успел ничего понять. Да и покойник уже не сделает никаких выводов и не будет ни о чем сожалеть.

– Это может стать уроком другим. И все же куда поучительней ударить по тому, кто дорог – ребенку, жене. Хотя... прости, если снова лезу не в свое дело – разве у вас не обычный для благородных сговор? Разве тебе не все равно?

Хаук кивнул.

– Сговор. Ее титул, мои деньги, у каждого своя выгода. – Он усмехнулся. – Старые роды почему-то через одного считают, что серебро будет течь в карманы само, как бы ни менялась жизнь вокруг. – В голосе Хаука прозвучала горечь. – Дед взял свой титул мечом полвека назад, но соседи не считали нас за равных. Звать нас на охоту – зазорно. Зато продать... то есть выдать дочь за человека вдвое старше только потому, что без приданого никто другой не возьмет – почему-то не зазорно. Ей нет и двадцати. Мне сорок два. И я не хочу ее хоронить.

– Да уж, с твоим языком ты бы точно не прижился бы при дворе, – не удержался Эрик.

Ингрид служила в королевской гвардии до того, как попала к чистильщикам. И, хотя не очень любила рассказывать о тех временах, кое-что о нравах благородных Эрик все-таки знал.

Хаук расхохотался.

– Полжизни в приграничье, что ты хочешь. Там все по-другому, и порой я чувствую себя дикарем рядом с людьми вроде Гарди и Фолки. – Он помолчал. – Когда мне на голову свалился титулу... Детей у меня нет, тех, о ком бы я знал.

Думал, все равно в наследство дать нечего, кроме денег, вот и не озаботился. А потом отца и двух старших братьев вместе с семьями унесла чума. Третий брат ушел в монастырь еще в молодости, сказал, все равно в миру рассчитывать не на что, а в наемники он не годится. Так вот и вышло, что отцовский титул и деньги достались мне, и пришлось срочно жениться, когда я уже был уверен, что так и доживу век холостым. — Он посмотрел Эрику в лицо. — Ты прав, это начиналось как сделка. Но так вышло, что теперь она мне дорога. Ты молод, тебе не понять.

— Я знаю, что такое беспокоиться за женщину, которая дорога, — сказал Эрик. — Но если покушения действительно были...

Продолжать, высказывая сомнения, он не стал. Вьюшку ведь можно закрыть самой и притвориться спящей, зная, что муж не пропустит возможность исполнить супружеский долг. Да, он не юнец, готовый не вылезать из спальни молодой жены, но бодр и полон сил, и, если судить по его дяде, останется таким еще долго. Так что в спальню он придет, и вся затея становится рискованной, но все же осуществимой. Может быть, Гарди прав, и ей действительно стало скучно? Визиты наносить некому, флиртовать не с кем, заводить любовника рано, да и опасно: Хаук не похож на человека, который будет смиренно носить рога.

Но все могло быть и правдой, поэтому Эрик спросил.

— ...выходит, среди твоих людей есть люди этого Сигурда?

– В том и дело, что не должно быть. Все проверенные. Все служили еще моему отцу. Даже оруженосец, прибился как раз незадолго до того, как в замок пришла чума. – Он потер лоб. – Я верю Аделе, но все это очень странно.

– Тогда возможен еще один вариант, – сказал Эрик. – Кто наследует после тебя?

– Моя жена, естественно.

– А если она умрет до тебя?

Хаук стиснул зубы и надолго замолчал.

– С моим языком не сделать карьеры при дворе, – сказал он, наконец. – А в твоём яда довольно на десятерых. Если Адела умрет и я умру, не оставив наследника, титул и состояние уйдет к моему дяде. К Гарди. Ты хочешь сказать, что человек, который наравне с отцом меня растил, теперь намерен отнять мою жизнь?

Глава 3

Эрик мог бы сказать, что в бытность свою целителем повидал и любящих сыновей, готовых притравить чересчур зажившегося на белом свете отца, и примерных жен, которые приправляли похлебку мужей ядовитыми травками, причем далеко не всегда потому, что устали от побоев. Что видел, как предают – по счастью, не его – давние друзья, и как старые приятели готовы поверить любому навету, если это поможет им удержаться на хлебной должности...

Но он только пожал плечами и сказал:

– Ты волен меня не слушать. Волен вообще прогнать.

– И мне очень хочется сделать именно так. – Выражение лица Хаука не сулило ничего хорошего. Лет пять назад Эрик бы испугался. Сейчас – и не таких выдвали. Он усмехнулся.

– Дело твое. Это будет самая короткая служба в моей жизни, даже задатка не успел получить, но раз уж не научился держать язык за зубами... – Он стал серьезным. – Я не знаю ни тебя, ни твоих родичей, ни твоей жены, если – если! – ее действительно пытаются убить...

– Ты сомневаешься в моих словах? – вскинулся Хаук.

– С чего бы мне верить безоглядно человеку, которого знаю меньше часа? – Эрик снова пожал плечами. – Или женщине, с которой даже парой слов не перекинулся? Ты на моем месте стал бы?

Хаук обжег его взглядом. Эрик не отвел глаз. Так и играли в гляделки посреди затянувшегося молчания.

– Наглец, – деланно рассмеялся, наконец, Хаук, отворачиваясь. – Говори дальше.

– Я не знаю никого из вас, – повторил Эрик. – Не знаю даже, в самом ли деле твою жену пытаются убить или это лишь стечение случайностей: немудрено слететь с крутой лестницы, запутавшись в юбках, а нерадивая прислуга может поспешить закрыть выюшку, чтобы урвать лишний час сна. Но я знаю, что никто ничего не делает бесцельно. А значит, поймешь «зачем» – узнаешь и «кто».

– «Зачем», говоришь... Разве выбор велик? Месть, деньги, что еще?

– И снова деньги, только теперь для других людей... так что я на твоём месте не только приглядывал за женой, но и не забывал сам быть настороже.

– Теперь ты пытаешься обвинить Аделу? – Хаук хохотнул. – Не бойшься, что я сочту себя оскорбленным настолько, что не буду тратить время на вызов?

– Если бы я боялся доброй драки, подался бы в боевики? Хаук криво улыбнулся.

– Говори. Мне даже интересно, что еще можно измыслить. Эрик ответил не сразу, подбирая слова. Совсем недавно ему на собственной шкуре пришлось ощутить, как больно и горько подозревать самых близких друзей. Так что, по-хорошему, наверное, стоило бы заткнуться и позволить событи-

ям идти своим чередом. В конце концов, если Ингрид не защитит Аделу, значит, никто ее убережет. Но сам он скорее боец, чем охранник. И хотелось бы, чтобы его наниматель прожил хотя бы до выплаты первого жалования. Или сразу понять, что им не ужиться, и разойтись, не теряя времени ни своего, ни чужого.

– Я никого не пытаюсь обвинить. Я предлагаю тебе подумать, что происходит, и кому это может быть выгодно.

Эрик переложил поводья в одну руку, благо конь вел себя безупречно, и начал загибать пальцы.

– Убить твою жену ради мести.

– Это первая возможность.

Эрик кивнул и продолжил:

– Убить твою жену, пока не появился наследник, а потом прикончить и тебя – может быть, для этого даже не придется ничего делать. Приграничье – место беспокойное, а ты сам говорил, что твой новый замок окажется на острие атаки. И ты ведь не будешь отсиживаться в своих покоях, пока твои люди сражаются на стенах, так?

– Не буду, твоя правда. – согласился Хаук. – Вторая возможность. Дальше.

– Сделать так, чтобы поверили, будто в замке убийца – и тогда никто не будет думать на вдову, случись что с тобой. Правда, до этого лучше успеть с наследником, так надежней, можно представлять его интересы, пока не вырастет, и никто слова не скажет.

Хаук скрипнул зубами.

– Третья возможность. Все?

– Не все. Сделать так, чтобы поверили, будто в замке убийца, дожидаться, пока ты потеряешь голову от беспокойства за жену, подобраться к тебе. Потом вдову в монастырь, можно даже и руки не марать, убивая, а имущество себе. Или стать управляющим, если есть и другие наследники, которым недосуг самим заниматься отдаленными владениями. Не забывая про свой карман, конечно же.

– Четвертая. Но для Фолки это слишком сложно. Он видит ближайшую цель и прет к ней кабаном, многоходовые планы не для него.

– Кто он ей?

– Старший брат.

Эрик сказал бы, что не заметил особого сходства. Впрочем, при такой разнице в возрасте...

– Другие родичи?

– Не слишком ли ты любопытен для человека, которого я знаю меньше часа?

– Да мне все равно, велишь заткнуться – заткнусь. Думать и решать тебе.

Какое-то время они оба молчали, покачиваясь в седлах. Эрик уже начал думать, что Хаук решил закончить этот разговор, а то и вовсе прогнать его, но тот снова заговорил.

– Фолки второй сын. Если с его старшим братом и племянниками не случится чего-то подобного тому, что случи-

лось с моими, отцовских земель и титула не увидит... Еще в той семье три дочери, все замужем. Адела младшая. Ее мать была плодovита, и...

Он осекся.

И это стало одной из причин, по которой Хаук ее выбрал, понял Эрик.

– Фолки сказал, будто хочет, чтобы у сестры в дальних краях было хоть одно родное лицо рядом. А мне нужны люди, – продолжал Хаук.

– А на самом деле Фолки надеется на войну и добычу?

– Само собой. А разве ты в приграничье не ради этого?

Эрик не стал объяснять, что особо не выбирал, куда по-даться. Удрал, и ладно. Какая, собственно, разница, где на-чинать все сначала? Нанимателю тоже все равно. Так пусть думает, что он пришел сюда за золотом. как и большинство из тех, кто оказался в этих краях.

– Про всех гадости придумал? – поинтересовался Хаук. – Или еще сочинишь?

Эрик усмехнулся в ответ.

– У меня богатое воображение. – Бастарды...

– Вот уж нет.

Эрик приподнял бровь. Даже если отбросить сказанное в самом начале, Хаук не походил на человека, всю жизнь сми-ряющего плоть.

– Я слышал, что за многими отрядами в обозе таскаются не только жены, но и дети.

– Женщины были, конечно... Но так, чтобы долго – не вышло.

А чтобы заделать бастарда, и одного раза хватит. Но Эрик предпочел и эту мысль придержать при себе. Можно подумывать, мужчина почти вдвое его старше об этом не знает. Хаук, меж тем, продолжал:

– Я не давал обещаний, которые не смогу или не захочу исполнять. А женщины ждут обещаний. Любви до гроба, верности, еще чего-то, чего именно – сам Творец не разберет. Как не разберет и почему им все время мало того, что ты можешь дать. Шлюхи честнее, они хотят лишь денег. Но они сами не знают, от кого понесли. Поэтому детей, о которых я бы знал, у меня нет, признавать бастардов не просили. Но пусть это будет пятой возможностью. Еще?

– Лорды Тенелесья каким-то образом прознали про подаренный замок и пытаются ослабить его защитников, – ухмыльнулся Эрик. – Решили заставить их господина сомневаться в каждом из ближайших сподвижников и в собственных решениях, подозревая всех и каждого. Заведомо топорно организовали подобие несчастного случая, а потом подослали двоих...

Хаук расхохотался.

– А я гадал, будешь ли ты внушать подозрения только по отношению к моим близким или и себя не забудешь?

– Как же я могу забыть про себя? – ухмыльнулся в ответ Эрик. Стал серьезным. – На самом деле, может быть еще с

полдюжины объяснений, неочевидных ни тебе, ни мне. Какие-то враги, о которых ты не подозреваешь или не берешь их в расчет.

— Может быть, — пожал плечами Хаук. — Я умею наживать врагов.

— Но, возможно, прав и твой дядя — молодой женщине, привыкшей к роскоши, тяжело и скучно в долгом походе. Брат вечно со своими людьми, у мужа тоже полно неотложных дел, а так он волей-неволей будет уделять ей внимание. Может быть просто стечение случайностей, впрочем, об этом я уже говорил...

— Но в этом случае ты и твоя женщина становитесь не нужны, так?

— Да. Особенно если забыть о том, что Ингрид на эту службу не напраш... — Эрик осекся, глядя вперед, откуда донеслись крики и лошадиное ржание.

Хаук тоже замер, а потом с места пустил коня в галоп. Эрик сделал то же самое. Потому что далеко перед ними посреди горстки конных взвилась на дыбы серая лошадь с рыжеволосой всадницей на спине.

Снова слышались крики. Кони тех, кто был рядом, точно заразившись волнением товарки, шарахнулись в сторону. А кобыла, несколько раз взбрыкнув задом, снова взвилась на дыбы — Эрик на миг разучился дышать — и понеслась в поле.

Он никогда не считал себя хорошим наездником, но полетел следом, забыв обо всем. Видя впереди лишь яркое пятно

волос и моля Творца только об одном – не отстать. И успеть поймать плетением, когда придет время. О том, чтобы Ингрид удержалась в седле, молить было бесполезно, у человеческих сил есть предел. Лошадь сильнее и быстрее. Эрик попытался усыпить взбеленившуюся серую – ничего не вышло. Плетение легло как нужно, но животное лишь на миг замедлило бег и понеслось дальше. Наведенный сон не прочнее обычного и не поможет, если кобыла чего-то испугалась или ей больно – хотя что могло случиться посреди толпы народа?

Его конь никак не мог догнать кобылу – Эрик тяжелее Ингрид, да и не было причин у скакуна так нестись. Выругавшись, Эрик пожалел, что нет ни хлыста, ни шпор. Подумал, может, попытаться стащить Ингрид плетением – но если нога застрянет в стремях, девушке конец. Остановить кобыле сердце? Вылететь из седла не так опасно, как оказаться под упавшей лошадию. Да и поди поймай то сердце, когда так несутся...

Внезапно лошадь, то ли устав бежать, то ли еще что надумав – кто знает, что в голове у этого животного – резко остановилось, взбрыкнув задом. Ингрид все-таки вылетела из седла через ее голову. Эрик потянулся плетением – и не поймал. Промахнулся. Девушка перекатилась, сгруппировавшись. Кобыла пролетела над ней – Эрик закричал. Ингрид, свернувшись в комок, оставалась неподвижной целый миг, и за этот миг сердце Эрика ухнуло куда-то к стремянам, забыв, как биться.

Девушка шевельнулась. Эрик обмяк в седле и едва не вылетел из него сам, когда уже его конь, почувствовав минутную слабость наездника, дернулся вперед. Эрик придержал поводья, успокаивая скакуна. А серая дрянь, сбросив всадницу, раздумала нестись, застыла на месте, поводья боками и дрожа, с губ капала пена.

Эрик слетел с коня, бросился к Ингрид. Присел рядом, прижал к себе трясущимися руками. Девушка вскрикнула.

– Прости, – выдохнул он, отстраняясь и заглядывая ей в лицо. В обрамлении рыжих волос оно казалось серым. То же перепугалась. Еще бы. И, похоже, без переломов не обошлось.

Он не стал спрашивать, где болит – плетения покажут все куда лучше слов. Лопатка сломана там, где она соединяется с ключицей, и связки в этом соединении порваны. Видимо приземлилась на плечо, отводя голову в сторону. Еще растянута связки на шее. Наверняка болит голова. Кроме этого – ушибы и синяки кое-где и, в общем, ничего серьезного, если не оставить как есть, а помочь плетениями.

Хвала Творцу, уберег. Приземлилась бы на голову или шею – никакие плетения не помогли бы.

– Что случилось? – спросил Эрик, срачивая сустав.

– Не знаю, – процедила Ингрид сквозь зубы.

– Да ори, все свои.

Она попыталась усмехнуться, зашипела. Медленно выдохнула.

– Не поняла. Никто не шумел, и живность под ноги не выскакивала... – Ингрид снова сжала зубы, прежде чем продолжить. – Она нервничала с самого начала, но справляться получалось. Может, от меня кровью пахло, или еще что... А потом Фолки окликнул из-за спины, я обернулась – и тут она взбесилась.

– Странно. – Эрик встал и протянул руку Ингрид, помогая подняться. Огляделся — ярдах в пятистах от них маячил одинокий всадник. Ничего себе их унесло!

– Странно, – согласилась Ингрид.

Эрик не удержался – обнял ее снова, замер на миг прежде, чем отпустить. Страх никак не желал уходить, сжимал нутро, мешая дышать. Казалось бы, давно должен привыкнуть. Девушка потерлась лбом о его плечо, потом отстранилась. Подошла к лошади.

– Может, пешком? – спросил Эрик. – Кто ее знает, что опять в голову взбредет?

– Вот еще. – Ингрид погладила кобылу по морде, потрепала по шее. Серая фыркнула, дергаться не стала. Как будто не она только что неслась, закусив удила.

Эрик хмыкнул. Спорить не стал, хотя он в самом деле предпочел бы пешком, и не потому, что предчувствие опасности не отпускало. Вроде и немного проскакал, а заныла спина, да и ноги. Засиделся он в Белокамне, размяк и ослаб. Но, кажется, судьба позаботится о том, чтобы это исправить.

Ингрид, не дожидаясь, пока он поможет, сунула ногу в

стремля, оперлась на луку, подпрыгнув, но едва опустилась в седло, как лошадь снова заржала и попыталась взвиться на дыбы. Эрик едва успел ухватить повод, повиснув на нем всем телом. Девушка соскочила с лошади, отступив на несколько шагов. Кобыла тут же успокоилась. Эрик выругался, выпуская повод.

– Что за?..

– Дай-ка. – Она отодвинула его плечом и начала расстегивать подпругу.

Эрик, поняв, в чем дело, снял седло. Ингрид огладила ладонями чепрак, снова и снова, как будто старалась не пропустить ни одного участка. Эрик придержал узду, когда серая снова забеспокоилась. Ингрид сунула руку под чепрак, помедлила, что-то нащупывая.

Эрик хотел спросить, что там, но услышал конский топот совсем близко за спиной. Обернулся. Хаук остановил рядом своего коня.

– Я начинаю жалеть, что с вами связался, – сказал он, глядя на них сверху вниз.

Ингрид пожала плечами.

– Если хлопот слишком много, я могу уйти.

– Эрик сказал мне то же самое с полчаса назад, – усмехнулся Хаук, слезая с седла. – Но это не ответ. Я знал людей, которые почему-то всегда оказывались в центре бури, сами того не желая, и умудрялись ее усмирить – но потом приходила новая буря. Знал и других, которые создавали

вокруг себя бури, и горе тем, кто не успевал обратиться вовремя. К какой породе относитесь вы?

Эрик невольно задумался. С тех пор, как чистильщики забрали его прямо с защиты магистерской диссертации, он забыл, что такое спокойная жизнь, а потом и вовсе перестал к ней стремиться. Но в какой мере его заботы были созданы им же самим? Ответа не было.

Хаук подошел к кобыле, погладил ее по холке.

– Что случилось, девочка? Такая умница, такая спокойная...

Снова повернулся к Ингрид.

– Бруни, мой оруженосец, просил заменить ее на коня с норовом, более подходящим для воина. Слишком спокойная кобыла, ребенка можно сажать. Или женщину.

– Она обучена под дамское седло? – поинтересовалась Ингрид.

Кобыла положила голову на плечо Хауку. Тот погладил ее по морде, еще и еще раз.

– Спокойная девочка, хорошая девочка... Ну что с тобой? Испугалась? Кто тебя обидел?

Эрик едва удержался, чтобы не поинтересоваться, не хочет ли наниматель спросить, что с Ингрид? Улетела-то она здорово. Потом представил, какое выражение лица у нее будет после «хорошей девочки» и вопроса, не испугалась ли, и едва не рассмеялся. А уж обидеть она сама кого хочешь может. То ли Хаук это понял, то ли рассудил, что раз ни она,

ни Эрик не выказывают беспокойства, то и ему волноваться не о чем.

Кобыла заржала, точно жалуясь. Хаук снова ее погладил, посмотрел на Ингрид.

– Управляющий говорит, что под дамское седло не учил. Я собирался, но когда окажемся на месте. В дороге не до того. Аделе она в самом деле подошла бы больше, чем Бруни.

– Но пока Адела на ней не ездит?

Хаук помедлил с ответом.

– Вообще-то это я намеревался расспрашивать. Какого рожна кобыла, с которой до сих пор не было никаких забот, сходит с ума, как только на нее садишься ты? И зачем вы ее расседлали? Что вы искали – или хотели скрыть?

Он стянул чепрак, перекинув его через плечо, погладил лошадиную спину. Выругался, когда рука его остановилась рядом со ссадиной размером с ноготь.

– Немудрено, что она понесла. Вернемся – велю высечь оруженосца. Поленился чепрак расправить как следует.

– Он сам ее седлает или препоручает слугам? – спросила Ингрид.

– Сам.

Ингрид кивнула, задумчиво сведя брови.

– Думаю, оруженосец ни при чем. – Она подняла раскрытую ладонь, на которой лежала колючка дурнишника. – Вот это я нашла, когда залезла под чепрак.

Эрик выругался. Сама она попасть под чепрак никак не

могла. И тот, кто сунул туда эту колючку, рассчитал верно – какое-то время она лежала, беспокоя лошадь, но не причиняя резкой боли. Но как только Ингрид откинулась назад, оперевшись на заднюю луку, колючка шевельнулась, впиваясь в спину, и терпение животного лопнуло.

– А еще я думаю, – продолжала Ингрид, – что подобрали ее вовсе не для меня. И просто воспользовались случаем.

Глава 4

Хаук взял колючку с ладони Ингрид, покрутил в пальцах.

– Она могла зацепиться за штанину...

Девушка промолчала. Хаук выругался.

– Кто?

Ингрид пожала плечами.

– И зачем, если, как ты говоришь, эту штуку приберегали для Аделы?

Она снова ничего не ответила. Хаук не дурак, сам поймет. Из дамского седла его жена вылетела бы сразу. Может быть, и не убилась бы, может, даже и без переломов обошлось бы, но тут загодя не скажешь, как и с лестницей. Но если бы рядом была охранница-одаренная?

Эрик догадывался, что Ингрид не успела бы поймать подопечную – она плела медленней и не так чисто, как он, предпочитая меч сложным плетениям. Но никто из пустых не мог этого знать. Так что убрать сперва телохранительницу вполне разумно. Особенно пока второй одаренный торчит где-то далеко позади остальных, развлекая беседой господина, и не сможет ей помочь. Глядишь, потеряв подругу, он откажется от едва начавшейся службы, и все вернется на круги своя. Адела останется без защиты, ее муж – с неясными подозрениями, остальные – уверенными в неудачном стечении обстоятельств. Жаль, конечно, но все мы в руках Творца и на

все воля Его...

Так что рискнуть стоило. И кто-то, рискнувший, умел быстро соображать и быстро действовать. Колючка действительно предназначалась для Аделы, но, увидев другую возможность, вредитель ее не упустил. Притом он обладал изрядной долей наглости, провернув дело на глазах у всех, и изрядной же ловкостью, потому что этого никто не заметил.

Кто именно? Да кто угодно.

– Теперь ты веришь Аделе? – спросил Хаук.

Эрик кивнул.

– Да. И теперь это стало личным делом.

Очень личным. Только вот как найти того, кто гадит исподтишка?

Хаук покатал колючку на ладони, о чем-то размышляя. Сунул Эрику.

– Сожги эту дрянь.

Эрик не видел в этом особенного смысла: трава и трава, такой везде полно, но спорить не стал. Зажег между пальцами огонек, испепеляя колючку.

Хаук снова ругнулся.

– Мало забот, так придется вставать на дневку, пока спина у лошади не заживет. Время потеряем.

– Зачем? – изумился Эрик. Погладил кобылу, рассказывая, какая она хорошая девочка. И в самом деле хорошая, если бы она не перепрыгнула через упавшую Ингрид, той пришел бы конец. Брехня это, что лошадь никогда не наступит

на упавшего человека. Задержал на полмига руку над ссадиной, собирая плетение. Мелочь. Будь это человек, и возиться бы не стоило.

– Вот и все. – Он забрал у Хаука чепрак.

Тот провел ладонью там, где только что была ранка. Хмыкнул.

– Совсем забыл, что вы и это умеете.

Он похлопал кобылу по боку, отступил в сторону.

– Вообще-то я не слишком разбираюсь в лошадиных болезнях... да и вообще в скотских хворях, – предупредил Эрик, укладывая чепрак на место. – Но с такой ерундой справиться могу. Еще, наверное, раны, переломы всякие, хотя до сих пор особо не приходилось этим заниматься. На счет отравлений – не уверен. Плетения не слишком хорошо справляются с ядами.

Нейтрализовать яд плетением не удалось пока никому, хотя бились над этим умы не чета Эрику. Так ничего и не придумали. Разве что поддержать тело, пока отравы не выйдет сама. Да залечить потом повреждения, оставленные ядом. Наверное, об этом не стоило рассказывать пустому, давая ему в руки оружие против себя. Но, с другой стороны, пока они союзники. И лучше уж заранее предупредить, чем обнаружить, что от тебя ждали чуда, а чуда не случилось.

– А если запалить коня, сможешь вылечить? – спросил Хаук.

– Нет. Необратимые изменения в легких. Можно исцелить

то, что еще живо, но мертвое – мертво.

Эрик закинул седло на спину лошади. Вообще-то Ингрид бы и сама справилась, подумаешь, пара стоунов, но чего бы и не помочь?

– Дай-ка. – Хаук подвинул его плечом, сам взявшись за подпругу. – А то знаю я вас, одаренных. Во всем, что не касается этих ваших плетений, глаз да глаз нужен. В собственном дворе сортир не найдете, не то что оседлать как следует.

Эрик рассмеялся, спорить не стал. Пусть, если так нанимателю будет спокойней.

– Возвращаемся, – сказал Хаук, закончив. – Я велел нас не ждать, так что догонять придется.

Он одобрительно хмыкнул, увидев, как Ингрид проверяет, хорошо ли затянута подпруга, двинул коня вперед, не дожидаясь, пока Эрик заберется в седло. И погнал хорошей рысью, то и дело досадливо оглядываясь. Видно было, что Хауку очень хочется послать коня в галоп, и только спутники удерживают его от этого.

– Возьми Ингрид и скачи, – сказал Эрик. – Она держится в седле лучше меня.

– Лучше тебя немудрено держаться, – буркнул Хаук. – Болтаешься, как мешок. Поскакал бы но ее кобыла устала. Можем запалить, если погоним, а ты, сам сказал, такое не вылечишь.

Лицо и голос его были спокойными, но глядя на то, как пританцовывает под ним конь, Эрик готов был поклясться,

что и всадник места себе не находит.

Как оказалось, волновался Хаук зря. Остальные, продвигнувшись вперед на лигу, встали. Стерня давно сменилась некошенными лугами, только дорога по-прежнему выглядела как полоса непролазной грязи, так что люди расположились на траве недалеко от нее.

Стиг, младший из оруженосцев, полулежал на локте, приглядывая за пасущимися конями, рядом с ним сидел Петтер – тот, который пытался огреть Эрика плетью. Сейчас, когда появилось время его разглядеть, стало видно, что он немного старше самого Эрика. Видимо, простолюдин, которого его господин сильно ценил. Хотя бывало, что и благородные до старости ходили в оруженосцах просто потому, что дохода с земель не хватало, чтобы собрать собственный отряд. Эрик мимолетно подумал, что стоит спросить, знатного ли рода два других оруженосца, но с этим можно было не торопиться. В свое время все само выяснится.

Неподалеку от оруженосцев, но в почтительном отдалении от господ, сидели кружком солдаты, пешие и конные, о чем-то беседуя. Точно так же, кружком, собрались у телеги слуги, наслаждаясь тем, что их пока никто никуда не гонит, благо привал намечался короткий.

Трое благородных устроились своим кругом. Адела, поджав ноги, сидела на шелковом ковре: погода стояла теплая, и земля, видимо еще не остыла. На подоле ее черного, шитого серебром платья лежала кипа ярко-розовых цветов, которые

девушка собирала в венок. Один, готовый, уже украшал ее голову поверх покрывала. Гарди и Фолки расположились по обе стороны от Адели на складных стульчиках, развлекая ее беседой. За их спинами – на расстоянии достаточном, чтобы не подслушивать господ, но и не так далеко, чтоб не услышать, когда его позовут – растянулся в траве Бруни, оруженосец Хаука.

При виде подъезжающего господина он вскочил, оглядел всех встревоженным взглядом.

– Все обошлось?

Хаук жестом разрешил ему снова сесть. Соскочил с седла – Эрик подумал, что старость подкрадется к нему еще нескоро.

– Да, все целы. – сказал Хаук. – Оса, наверное, укусила, вот и понесла. Все обошл...

Он замер, уставившись на розовые цветы в руках жены. Эрик проследил за его взглядом, выругался про себя. Адела, как раз закончив второй венок, с улыбкой протянула его мужу.

– Выбросьте эту гадость! – рыкнул Хаук.

Она так и замерла, с протянутыми руками. Эрик спешился, подошел к ней.

– Позвольте, госпожа.

Взял венок сквозь рукав дублета. Губы девушки задрожали, глаза наполнились слезами. Эрик бесцеремонно снял второй венок с ее головы, так же, через рукав. Адела рас-

терянно вскрикнула. Оба мужчины, сидевшие рядом с ней, вскочили, хватаясь за мечи. Эрик не обратил на них внимания, соображая, как бы собрать цветы с подола, не вляпавшись...

– Как ты смеешь, – начал Фолки, шагая ближе к Эрику.

– Стоять всем, – рявкнул Хаук.

Фолки замер, недоуменно глядя на зятя. Тот, стянув с рук перчатки, передал их Ингрид.

– Отдай Эрику, пусть соберет все и сожжет. Гарди, Фолки, поднимайте людей. И пусть освободят место в телеге для Аделы, поводья она держать не сможет.

– Почему? – вскинулась девушка. – Я...

– Делайте, как я сказал. – буркнул Хаук. – Наотдыхались.

Эрик, собрав, наконец, проклятые цветы, развернулся к нему.

– Командуй дневку. Пока еще можно хоть что-то исправить.

– Разве еще можно что-то исправить? – Хаук проглотил ругательство. – Совсем недавно ты говорил...

Он осекся. Правильно, незачем всем знать, что с ядами дар справляется плохо. Незачем самому вкладывать оружие в руки убийце.

– Что я сделала не так? – еле слышно спросила Адела, глядя на мужа снизу вверх, губы ее дрожали. – Почему вы сердитесь? Зачем...

– Прошу прощения за бесцеремонность, госпожа, – Эрик

перехватил ее руку, потянувшуюся к цветам. – Не трогайте их больше. Они ядовиты.

Адела ахнула, прижав ладонь к губам. Ингрид мигом оказалась рядом, осторожно прикоснувшись к запястьям, отвела ее руки от лица.

– Хаук, объяснись, – сказал Фолки. – Ты обидел и напугал мою сестру.

– Нет, это ты объяснись, – прорычал Хаук шагнув навстречу шурина. – Почему я не могу на полчаса оставить свою жену под твоим присмотром без того, чтобы она не вляпалась в ядовитую дрянь?

– Что значит «ядовитую»?

– То и значит. Еще скажи, что ты не знал.

– Ты хочешь меня в чем-то обвинить? – взвился Фолки.

– Хватит! – влез между ними Гарди. – Это я скомандовал привал. Фолки, никто никого не хотел ни в чем обвинить. – Он снова повернулся к племяннику. – Или вини меня.

– Не лезь под руку.

– Хватит, я сказал! – Дядя мог рычать ничуть не хуже племянника. Мужчины замерли, буравя друг друга взглядами.

И в наступившей тишине очень громким показался голос Ингрид, все еще сидевшей на корточках напротив Аделы.

– Вы нюхали эти цветы?

– Да. Такой чудесный запах... – Она уставилась на Ингрид так, будто подозревала, что ее пытаются обмануть. – Они правда ядовитые? Но ничего ведь не случилось?

Адела оглядела мужчин, словно ища у них защиты. Ингрид едва заметно улыбнулась.

– Мы постараемся, чтобы все обошлось, госпожа...

Она перевела взгляд на Хаука, медленно убравшего руку с меча.

– Эрик прав. Командуй дневку. Еще мне понадобится ша-тер, чтобы твоя жена могла укрыться от лишних глаз, мыльный корень, смыть сок, насколько возможно. А потом ей нужно будет отдохнуть.

Она вопросительно посмотрела на Эрика, дескать, ничего не упустила?

– Все правильно, – кивнул он. Добавил еле слышно. – Следите за дыханием и зови меня, если что.

– Останавливаемся до завтра! – рыкнул Хаук. Перевел взгляд на оруженосца. – Иди, передай слугам.

Шагнул к Эрику, все еще державшему цветы.

– И сожги, наконец, эту гадость! – Он огляделся, ткнул пальцем в скопление высоких стеблей, покрытых такими же крупными розовыми цветами. – И это тоже, – Добавил в сердцах. – Откуда только взялось? Он же по весне цветет.

– Может быть, осень неуместно теплая, – сказала Ингрид.

– Теплая... – еле слышно повторил Хаук, повысил голос: – Слушайте все! Хорошенько запомните вот эти цветы. – Он снова ткнул пальцем в растения. – Обычно он цветет поздней весной и летом. Никогда, ни за что их не трогайте, если не хотите покрыться волдырями, как от ожогов! И не давайте

их скоту. Листья тоже лучше не трогать, особенно в летнюю жару. Все слышали? А теперь за дело.

Вокруг засустились, одни начали распрягать лошадей, другие стали стаскивать вещи с телеги. Эрик бросил венки в стебли, поджег. Какое-то время казалось, что горит лишь воздух, а растение остается невредимым. Наконец, начали скукоживаться, чернея, цветы.

Эрик огляделся. Адела так и сидела на земле, Ингрид, присев рядом, что-то негромко говорила. Адела всхлипнула, и ткнулась лицом ей в плечо.

Эрик встретился взглядом с Гарди. Указал глазами на Аделу, потом на Хаука. Гарди кивнул, шагнул к племяннику. Тронул за плечо.

– Иди к жене и успокой. Ты и правда напугал ее.

– Меня кто успокоит? – буркнул Хаук, поманил Эрика жестом.

Но даже когда тот подошел, помедлил, прежде чем еле слышно спросить:

– Останутся шрамы? На лице?

Он провел пальцем поперек лба, как будто очерчивая венчик.

– Это все, что тебя волнует? – не удержался Эрик. Не его дело судить других, но...

– Не учи меня, сопляк! – Хаук поглядел на жену, снова понизил голос. – А что беспокоит тебя?

– Она сказала, что запах чудесный. Значит, нюхала долго.

Может, повезет, все-таки сейчас не настолько жарко, как летом. А может...

А, может, ядовитые испарения обожгли не только руки и лицо, но и дыхательные пути.

Хаук выругался, поняв, почему Эрик не договорил.

– Когда ты будешь знать точно?

– К вечеру. Если у нее высокая чувствительность, и начнется крапивница и отек, – раньше. Но будем надеяться, что все обойдется.

Хаук горестно покачал головой.

– Кому только пришлось в голову остановиться здесь!

– Мне, – проговорил Гарди. – Пора было сделать привал, Адела сказала, красивое место, так почему бы и не здесь? Ей понравились эти цветы. Кто же знал... У нас они не растут.

Хаук, махнув рукой, прошел мимо него к жене. Отодвинул Ингрид, опустился на траву рядом, провел пальцем по щеке Аделы, стирая слезинку. Негромко заговорил. Ингрид отступила на несколько шагов, но не ушла.

Эрик не стал слушать, что говорит Хаук. Тоже, небось, считает зазорным при всех обнять и утешить. Одаренных пустые считали распутными лишь за то, что те позволяли себе прилюдные нежности. Но что может лучше успокоить напуганную женщину, чем надежные мужские объятия и заверения, что все будет хорошо?

Эрик отвернулся, размышляя, кого бы попросить поторопить слуг. Едкий сок следовало смыть с кожи как можно

скорее, а за всей этой суетой и спорами время уходило. Ингрид, кажется, тоже об этом подумала, потому что наклонилась к Хауку, негромко о чем-то спросила. Тот поднял голову, рывкнул на проходящего слугу, и через несколько мгновений Ингрид, подставив локоть Аделе, повела ее в сторону, от суеты. Следом семенила служанка с пустым ведром. Хотя бы руки и лицо умоет, уже хорошо. Жаль, дыхательные пути так не промыть.

Аделу Эрику было искренне жаль. Хотела порадоваться, а вышло... Он отвернулся от женщин – в конце концов, Ингрид действительно неплохо разбирается в исцеляющих плетениях, как и все чистильщики. В неведомой глуши за целителем не пошлешь. А если она с чем не справится, позовет. Место открытое, народа много, опасаться нечего, можно пока не присматривать.

И оказался нос к носу к Гарди, пристально его разглядывающим.

– Хаук прожил в этих краях много лет, – сказал Гарди. – Но откуда про эти цветы знаете вы? Ты и твоя спутница? Вы одеты не как здешние наемники.

Эрик припомнил, что сражавшиеся в приграничье одевались вычурно и броско. Поговаривали, что одно время знать, недовольная тем, что какие-то мечи носят яркие шелка и тончайшую шерсть, пыталась уговорить короля запретить им это особым эдиктом. Точно так же как предшественник его величества повелел крестьянам одеваться только в ко-

ричневое, черное и серое, и запретил носить желтое всем, кроме особ королевской крови. Впрочем, учитывая, что пряность, из которой добывали желтую краску, привозили с востока, и стоила она неопиcуемых денег, остальным желтые одежды все равно были не по карману... Однако нынешний король, прозванный Разумником – и пусть Творец продлит его дни – в ответ на наущения придворных, по слухам, лишь рассмеялся и сказал, что жизнь наемника коротка и полна опасностей, так путь украшают ее как считают нужным.

Вербовщиков из Приграничья было видно за версту, но наемники внутренних земель в дорогу предпочитали одеваться немарко и удобно, а в городе – как и приличествует добропорядочному горожанину, в меру достатка и приличий. Так что Эрик с Ингрид действительно не походили на тех, кто в приграничье давно и знаком со здешними опасностями. Даже если не обращать внимание на свежие прорехи в одежде.

– Мы три года сопровождали одного купца по восточным землям, – сказал Эрик. – Там росли такие цветы. Мы тоже не знали о них, впервые столкнувшись. Венков, правда, не плели, но как-то устроили привал на поляне, сплошь заросшей ими.

Он усмехнулся, припомнив, как один из охранников не нашел ничего лучшего, чем присесть в эти высокие стебли по нужде. Вечером над бедолагой ржали всем отрядом, забыв о собственных болячках. Даром что и остальные щеголяли

волдырями, но не на задуг же!

Поначалу, впрочеу, Эрику и остальным одаренным было не до смеха. Прежде, чем появились первые волдыри, прошло полдню, и поначалу никто не понимал, что случилось, и откуда вдруг взялись ожоги. А четверо одаренных не покладая рук залечивали язвы, оставшиеся после волдырей. Шрамы наемников не пугали, но караван должен был двигаться дальше, для торгового человека любая непредвиденная остановка – потеря денег. А какое там двигаться, когда все в язвах, точно прокаженные?

– Ты слишком молодо выглядишь для человека, три года сопровождавшего купца, – сказал Гарди.

– Я рано начал, – ухмыльнулся Эрик. Добавил: – Могу показать рекомендации, когда расположимся. К слову, мне оставаться среди солдат или слуг?

– Нет, будешь с нами и оруженосцами, – сказал Гарди. – И рекомендации я посмотрю. Но сперва покажи еще раз, как выглядят эти растения. Без цветов ведь они тоже опасны?

– Да, особенно в жару.

Эрик огляделся и повел его к краю появляющегося лагеря. Подумав немного, спросил.

– И все же, почему вы решили остановиться? Хаук говорил, что велел нас не ждать.

– А до того он велел встать на привал, когда солнце будет в зените. Лошади и люди должны отдыхать. Так что я в любом случае искал место для привала... К слову, насколько все это

серьезно? Хаук... обеспокоен, а в таком состоянии он теряет способность внятно изъясняться.

Эрик сказал бы, что Хаук напуган. То, что поначалу выглядело как блажь новобрачной, превратилось в серьезную угрозу, и возможно, не только для Аделы. И Гарди несомненно видит, что творится с его родичем. Но насколько искренне его беспокойство? И насколько откровенным можно с ним быть?

Глава 5

– Насколько серьезно состояние Аделы, сказать не могу, – произнес Эрик, делая вид, будто не понимает намеков благородного, дескать, скажи что ты сам думаешь обо всех этих случайностях. Его наняли как довесок к женщине-охраннице, почти оскорбление, между прочим, с точки зрения благородных. Так что он сражается, когда велят, лечат, когда велят, не лезет не в свои дела и не размышляет особо. Думает пусть лошадь, у нее голова большая.

Он остановился у высокого куста с листьями причудливой формы, будто изрезанными.

– Растение, которое она так неосторожно оборвала – вот так оно, кстати, выглядит без цветов – оставляет глубокие ожоги.

Эрик добавил в голос интонации профессора, читающего лекцию школярам.

– Коварство его в том, что ожоги заметны не сразу, как, скажем, после крапивы, в которую никто не сунется добровольно, раз ее коснувшись. Обычно волдыри появляются спустя полдня. И, лопнув, оставляют после себя глубокие язвы, которые заживают очень долго. – Как долго они заживают без вмешательства плетений Эрик сам не проверял, местные через толмача рассказали. Заодно – и о других гадостях, растущих в округе с попустительства Творца. – ...и часто за-

канчиваются рубцами. Но насколько силен ожог, невозможно сказать, пока он не проявится.

Гарди рассмотрел листья, явно запоминая. Оглядел окрестности.

– Выходит, мы застряли надолго? Но здесь нет воды... Значит, нужно найти место для Аделы в обозе. Если ее руки и лицо покроются язвами и волдырями, ехать верхом она не сможет. – Гарди помолчал. – И, выходит, невестке дорого обойдется мое решение остановиться здесь? – Он ругнулся. – Знал же, что нельзя идти на поводу у женщин! «Как красиво!» – передразнил он. – И я, дурак старый...

Эрик поджег и это скопление опасной дряни, чтобы никто из своих не вляпался. Без цветов растение выглядело совсем не так приметно. Спросил:

– Адела просила остановиться именно здесь? Или кто-то еще?

– Она вообще ни о чем не просит. В смысле, прямо не просит. При людях. Что у них наедине творится, я не знаю. – Гарди усмехнулся. – Хотя чего там не знать. Ночная кукушка всегда дневную перекукует. Неудивительно, что она из Хаука веревки вьет. Я бы на ее месте тоже своего не упустил.

Эрику подумалось, что чересчур многие сегодня почему-то решили избрать его наперсником. Сперва Хаук, теперь его дядя... Осталось только Фолки начать жаловаться на жизнь. Адела, если и будет плакаться, то, скорее всего, в плечо Ингрид. Впрочем, Аделе сегодня вечером будет не до

откровений. Может, все же обойдется только ожогом кожи? С ним справиться нетрудно...

– ... Адела сказала, что очень красиво, а я подумал, что все равно ищу место для привала. Людям и коням пора отдохнуть. Впрочем, я уже это, кажется, говорил. – Гарди поморщился. – Хаук тоже хорош, мог бы и предупредить, что здесь этакая дрянь растет.

Может быть, происшедшее и случайность. Цветы яркие. Тогда, пять лет назад, на них и многие мужчины обратили внимание. Он сам чуть букет не нарвал, внезапно сообразив, что никогда не дарил Ингрид цветов. Все больше удобное, да практичное. Добрый нож там, дорожную сумку, легкую и прочную. А цветы как-то не приходилось. Потом вспомнил, что в дороге ей некуда будет деть этот веник, да и вообще... Повезло.

А, может, происшедшее сегодня и не случайность.

– А до Аделы никто ничего такого не говорил? – поинтересовался Эрик. – Красиво, дескать. Цветы эти яркие...

– Вроде нет. Или... – Гарди посмотрел Эрику в лицо. – Только не говори, что они и тебя убедили, что страхи моей невестки не напрасны! Хаук правильно сделал, не оставив ее дома, иначе к возвращению обзавелся бы ветвистыми рогами. Но она капризничает, он потакает. Доиграется до того, что Адела совсем распояшется, и придется учить ее плетью.

Эрик пожал плечами.

– Я ничего не знаю о страхах вашей невестки. Это дела

вашей семьи. Я охранник. Хаук просил помочь Ингрид, пока нет настоящего дела, она же не может смотреть во все глаза круглосуточно. И раз мне платят за то, чтобы я был настороже, значит, я должен быть настороже. — Он помолчал, рассеянно добавил: — Хотя все это ерунда, конечно... Но все-таки о чем шла речь перед тем, как ты решил, что стоит остановиться именно тут? Если это не семейные дела.

— Кто же обсуждает семейные дела при оруженосцах? — фыркнул Гарди.

Только что он обсуждал их вовсе с посторонним. Все-таки было у дяди с племянником нечто общее: разозлившись или досадуя, оба становились слишком откровенными. Да, таким точно нечего делать при дворе.

Гарди нахмурился, припоминая.

— Сперва то ли Стиг, то ли Бруни... кто-то из сопляков, словом, сказал, что здесь совсем не так, как дома. У нас леса непролазные, не успеешь поле выжечь, снова зарастает. А тут, куда ни посмотри, поле кругом, до самого горизонта.

Эрик бы сказал, что не совсем так — вон, примерно в лиге отсюда темнеет полоса леса. С лошадиной спины ее трудно не заметить. Интересно, водятся ли там лихие люди? В окрестностях Белокамня, где он прожил последние пять лет, таких хватало. Но там купцы сновали туда-сюда, добыча богатая. А здесь? Хаук в историю про разбойников, кажется, поверил, не поверил только в то, что стычка произошла задолго до их встречи.

– Сказал, что много земли, – продолжал Гарди. – Знай паши.

– Они из простых? – спросил Эрик. – Оруженосцы?

Вряд ли благородный стал бы размышлять о том, как пахать поле.

– Бруни простолюдин, попросился к брату на службу, год назад или около того. Незадолго до мора. Оказался смышленным. Так что, когда Хаук вступил во владения замком, я посоветовал взять парня оруженосцем. Раньше-то Хаук сам управлялся, а теперь никак... Стиг из благородных, сын соседа. Получит титул в свой черед, если доживет.

Гарди отвернулся от догоревшего куста, неторопливо побрел в сторону лагеря. Эрик двинулся следом.

– Словом, кто-то из них двоих сказал про поля, – продолжал Гарди. – Бруни, наверное. Фолки на это ответил, что ему больше по душе леса. Охота на его землях хороша. Олени, волки, кабаны. А тут на кого охотиться, на перепелок разве? Стиг – вот это точно он – сказал, что на перепелок тоже весело. И завел про соколов отца. Про них он может вещать бесконечно, пока не прикажут заткнуться, и Бруни, чтобы его перебить, сказал, что тут, наверное, и соколы не соколы, а что-то другое. Потому что здесь все вроде, как у нас: деревья, цветы, а посмотришь пристальней – совсем не похоже. И вот тогда-то Адела сказала, дескать, красиво...

Он помолчал, качая головой.

– Но мне кажется, на самом деле тебе неинтересен наш

разговор. Просто ищешь повод уйти от ответа. Во что моей невестке обойдется моя беспечность? Придется носить вуаль до конца жизни?

– Нет. Ингрид об этом позаботится. Я больше опасаюсь отека... один из наших людей тогда начал задыхаться прямо на поляне. Раздуло лицо и шею.

А еще одного парня раздуло вечером, когда полезли волдыри. Сперва жаловался, что печет горло, потом начался кашель, а после перестало хватать воздуха. Тоже пришлось повозиться.

– И чем это закончилось?

Эрик улыбнулся.

– В отряде было четверо одаренных. Но чтобы с этим справиться, оказалось достаточно одного. Думаю, и у Ингрид получится. А, если что – меня позовет.

– Ты же сказал, что боевик.

– Еще я сказал «немного целитель». Так что мы вдвоем постараемся, чтобы все обошлось.

Он коротко поклонился Гарди.

– С вашего позволения.

Похоже, все-таки случайность. В конце концов, девушки любят цветы, а на коротком привале занять себя особо нечем, так почему бы и не сплести венок? Но очень неприятная случайность. И очень несвоевременная.

Место было не узнать: посреди поля выросли четыре шатра: два поменьше – разноцветные, еще один, побольше – из

парусины. Слугам, судя по всему, полагалось спать под телегами. Эрик задумался над тем, где ночевала в пути служанка Аделы – как ее звали, к слову? Наверное, хозяйка отгородила ей место в шатре. Как же благородной даме без служанки с постели подняться?

Бруни, оруженосец Хаука, расседывал коня господина. Конь Эрика и кобыла Ингрид, еще не расседланные, стояли привязанными к телеге. Эрик направился к ним. Едва ли Ингрид отпустят далеко от Аделы в ближайшее время. Так что придется заняться ее кобылой. Вообще-то можно было дать монетку оруженосцу или кому-нибудь из слуг. Но в походе Эрик предпочитал заботиться о своей лошади сам. В собственной добросовестности он был уверен, а вот в усердии чужих слуг – далеко не всегда.

Он снял седло и чепрак, старательно растер спину коня пучком травы. Оруженосец Хаука наблюдал за ним с любопытством, но поначалу помалкивал. Осмелился заговорить, только когда Эрик занялся кобылой Ингрид.

– Не знаю, что с ней случилось сегодня, – сказал Бруни. – Хвала Творцу, все обошлось.

– Оса, наверное, – повторил Эрик ложь Хаука. – Испугалась.

– Да. Это могло плохо кончиться... Никогда не видел, чтобы женщина так отлично держалась в седле. Любая другая упала бы сразу.

– А много ты видел женщин, едущих по-мужски? –

усмехнулся Эрик.

Ингрид говорила, что не понимает, как благородные умудряются держаться в дамском седле с одним стремянем. Точно на насесте балансируешь. Ее, как и самого Эрика, научили ездить верхом уже в университете, и там преподаватели считали дамскую посадку одной из множества благоглупостей, принятых среди пустых.

– Ни разу не видел. Выглядит... – Оруженосец осекся, смутившись.

– Чудовищно неприлично, понимаю.

– Я вовсе не то хотел...

Эрик рассмеялся. Бруни обиженно затих. Но, похоже, долго молчать он не умел.

– Простите, если я сказал что-то не то. Просто я никогда не видел одаренных. Только слухи...

Эрик пожал плечами.

– Да ничего. Мы крутимся в своем кругу и забываем, что другие мыслят иначе и иначе на нас смотрят. Так же как и вы, благородные.

– Я не благородный. Но надеюсь им стать, если на то будет милость Творца.

– Так же, как дед твоего господина?

Бруни кивнул:

– Получилось у него, почему бы и не попытаться мне? Взять титул самому, раз не достался при рождении.

– А ты хорош с мечом?

Парень снова смутился.

– Покойный господин велел сенешалю, господину Гарди, меня учить. Но тот часто занят. Люди его отряда – и отряда господина Хаука – учат меня, когда им скучно и хочется развлечься. Говорят, что я делаю успехи, но...

– Но хотелось бы, чтобы кто-то занимался с тобой постоянно, а не время от времени? – Эрик огляделся и сменил тему. – Давай-ка напоим лошадей. Тащи ведра.

Бруни кивнул, то ли отвечая на вопрос, то ли соглашаясь с тем, что лошадей нужно напоить. Встряхнулся.

– Но как...

– Тащи.

Уж его-то конь заслужил воду после такой пробежки. Да и кобыла Ингрид.

– А зачем вы носите меч? – спросил оруженосец, снимая два привязанные к телеге ведра.

– Затем же, зачем и все. Чтобы защитить себя и тех, кто мне дорог. Чтобы добыть золото и славу.

Ведра начали наполняться водой. Оруженосец вытаращил глаза:

– Вы можете подчинять себе огонь... воду... говорят, что и ветер, и плоть. Зачем вам меч?

Эрик пожал плечами.

– Плетения не всеильны. Как и сталь. Иногда лучше одно, иногда другое.

– Простите, господин, – подал голос возившийся рядом

Стиг. – Не могли бы вы добыть воды для лошадей моего господина? И для остальных? Если это не слишком трудно. Трава, конечно, сочная, да и работали они не весь день. И все же...

Эрику было нетрудно. Наверное, где-то не слишком далеко отсюда должен быть ручей или река, но так уж вышло, что встали невесть где. А скотина вовсе не виновата в людской глупости. Если что, можно и слугам помочь с водой для обеда. Хотя для людей наверняка припасено вино или пиво...

– А вы хороши с мечом? – не унимался Бруни.

– Средне. Но жизнь он мне пару рас спас, – сказал Эрик, уже понимая, каким будет следующий вопрос.

– А вы не могли бы... ну, учить меня? Если это не слишком нагло с моей стороны. Когда нет других дел, конечно.

– Могу. Но лучше бы тебе попросить об этом Ингрид.

– Вы смеетесь надо мной? – вскинулся парень.

– Я совершенно серьезен.

Опять он забыл, что у пустых все по-другому. Всю жизнь вокруг были такие же как он – сперва в университете, потом у чистильщиков. да и в Белокамне. Что ж, теперь придется вспоминать, что одаренных мало и их обычаи мало кому понятны. Хотя чего тут непонятного, все разумно и просто. Каждый делает то, что считает нужным, и то, что у него хорошо получается. Вот и все.

– Вы не можете быть серьезны, – встрял Стиг. – Разве можно чему-то научиться у женщины? Да и вообще... Зачем

вы позволяете ей носить меч? Это не игрушка и не украшение.

Эрик расхохотался.

– Моли Творца, чтобы тебе никогда не пришлось скрестить клинки с этой женщиной. Игрушка, скажешь тоже.

Парни недоверчиво вытаращились на него. Эрик не стал объяснять, что Ингрид год провела в приграничье и еще год – среди королевских гвардейцев, а потом пять лет учила клинку новичков-чистильщиков. Подхватил мешок с вещами и пошел искать Ингрид, все еще хихикая.

Она уселась на землю, неподалеку от входа в разноцветный шатер, скрестив ноги и бросив рядом свой мешок. Эрика это неприятно кольнуло.

– Тебе не нашли места?– спросил он, усаживаясь рядом.

– Хаук сказал, что устроит меня вместе с благородными и с тобой – на то время, когда с женой будет он.

Эрик кивнул. Хорошо.

– Да, Гарди мне обещал то же самое, но я не спросил про тебя. Думал, будешь при Аделе. Как она?

Ингрид пожала плечами.

– Что могла – сделала, теперь только ждать.

Насколько сильным окажется ожог и ограничится ли он кожей, станет ясно чуть позже. Может, и обойдется. Все-таки не лето, когда эти цветы опасней всего. Хотя и сейчас Эрику было жарко просто в дублете без плаща.

– А ты уже устроился? – спросила Ингрид.

– Чего мне устраиваться? – Он усмехнулся, обводя глазами лагерь. – Мешок с исподним – и то ты из дома вынесла. А меч при мне.

Огляделся еще раз – оруженосцы уже стреножили коней и отпустили бродить. На ночь, наверное, к телеге привяжут...

– Хаук велел отнести наши вещи в шатер благородных, – сказала Ингрид. – Еще спросил, почему у нас их так мало. Даже плаща теплого нет.

– И что ты ответила?

Надо же знать, что врать, если придется.

– Что плащи в мешках.

Эрик рассмеялся. Ответ был совершенно точным – и совершенно ни на что не отвечал.

– И все?

– А больше он не спрашивал.

Вообще-то у них были собраны вещи в нормальные сумки для похода, не только с плащами и запасами еды, но и с меховым одеялом, под которым можно уместиться вдвоем – так теплее, а так же с пологом, топориком и множеством других мелочей, без которых походная жизнь куда как трудна. Но приготовленное осталось в их – теперь уже точно не их – доме в Белокамне. А эти два мешка, что Ингрид успела ухватить прежде, чем сигануть из окна – только-только чтобы несколько дней протянуть. На тот случай, если уходить придется внезапно и с боем, как и получилось на самом деле. Плащи, смена одежды и белья, топорик, запас сухарей на

несколько дней, фляжка с вином, миски, кружка с ложкой да котелок. А еще бинты, лекарский нож, да кое-какие снадобья, которые не везде добудешь. И все. Повезло, что Ингрид выплела проход сюда, а не на дальний север, мигом околели бы. Впрочем, она наверняка об этом подумала прежде, чем плести...

Но надо будет сговориться, что отвечать, когда Хаук начнет расспрашивать по-настоящему. Пока ему было не до того, он занят женой, но когда-нибудь это время настанет. Поэтому непременно нужно будет подумать. Чуть позже.

Эрик зевнул, едва не вывихнув челюсть: поспать сегодня не удалось, провозился до утра с роженицей. Почему-то роды чаще начинаются под вечер, а то и глубокой ночью, и эти были не исключением. В перипетиях последних часов усталость почти не чувствовалась, но стоило сесть и расслабиться, как тут же начали закрываться глаза.

Он глянул на солнце – только-только к полудню дело идет. Значит, надо встать, бросить вещи там, где ему скажут, а потом найти себе дело. В походных лагерях для каждого есть дело, несмотря на слуг.

– Давай я тебя сменю, иди, устройся пока, – сказал Эрик. – И отдохни.

– Я-то ночью спала, – улыбнулась она. – Подожду, на случай, если Аделе станет хуже.

Эрик кивнул.

– Тогда и я с тобой подожду.

Солнце пригревало – куда там лету в Белокамне! Он растянулся прямо на траве, подложив под голову мешок с вещами. Закрыв глаза. Шевелиться не хотелось. Думать о плохом тоже. Может быть, все обойдется: ожоги ограничатся кожей, волдыри затянут, не прилагая особых усилий.

Ингрид потрепала его по волосам.

– В самом деле, иди поспи.

– Нет, – протянул Эрик, не открывая глаз. – Не хочу никуда идти. Тут хорошо: солнышко светит, ветерок дует, ты сидишь...

Он бы с куда большим удовольствием пристроил голову не на мешке, а у нее на коленях и дремал, пока тонкие пальцы бездумно перебирают ему волосы. Но если он устроится так, благородных удар хватит, а их люди сочтут Ингрид шлюхой и попытаются добыть благосклонность. Она, конечно, быстро и доходчиво объяснит самым настырным, в чем их ошибка, но возмездие будет чересчур необратимым. Так что не стоит дразнить остальных...

Но едва он устроился по-настоящему удобно и задремал, из шатра закричал Хаук, зовя Ингрид.

Глава 6

Ингрид поднялась – вроде бы не торопясь, но удивительно быстро. Исчезла за пологом. Эрик сел, наострив уши, сон разом слетел. Похоже, случилось именно то, чего он опасался. Что за дурной у него язык, что ни скажет, так непременно накаркает? Одно время он даже зарекался озвучивать любые сомнения – но и это не помогло. Как подумаешь о какой-нибудь гадости, так она непременно случится. Вот и сейчас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.